

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы

Копосова Татьяна Александровна

ФОНВИЗИН И ГЕРМАНИЯ

Выпускная квалификационная работа

на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель: д. ф. н., проф. Бухаркин Пётр Евгеньевич

Рецензент: к. ф. н. Веселова Александра Юрьевна

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение.....	с.3
Глава 1. Фонвизин и Германия: общая характеристика литературных связей.....	с. 7
Глава 2. «Басни нравоучительные» Л. Гольберга в перевод Д.И.Фонвизина.....	с.21
Глава 3. Отрывок из поэмы С. Геснера «Смерть Авелева» в переводе Д. И. Фонвизина.....	с.46
Заключение.....	с.68
Библиография.....	с.70
Приложение № 1 Правосудный Юпитер.....	с.76

Введение

Д. И. Фонвизин начал свою литературную деятельность как переводчик и в течение жизни создал большое количество переводов, некоторые из которых ценились современниками наравне с его оригинальными произведениями (в качестве примера можно привести следующие переводы: «Басни нравоучительные», «Иосиф», «Слово похвальное Марку Аврелию»). Изучение переводов Фонвизина, его контактов с литературами и культурами других стран необходимо для глубокого понимания его творчества. В данной работе рассматриваются литературные связи Фонвизина с немецкой культурой, имевшей большое значение как для самого Фонвизина, так и большинства русских писателей XVIII века.

Особенная роль немецких контактов объясняется в первую очередь тем, что молодые люди этой эпохи могли познакомиться с Германией, не выезжая за пределы России. В Петербурге, в Москве и даже в провинции жило большое количество немцев, принимавших активное участие в научной и образовательной деятельности. Немецкие ученые входили в состав Петербургской Академии наук. Г. И. Смагина отмечает: «Известно, что Петербургская Академия наук в XVIII веке была многонациональной и преобладали в её составе иностранцы. Из 111 членов Академии было 67 немцев, т.е. 60%. Каждое из этих имен – определенная страница в истории Академии наук».¹ Во-вторых, немцы занимали разные посты в многочисленных учебных заведениях, где воспитывались русские дворяне XVIII века. Приведем некоторые примеры: граф Ф. Е. Ангальт с 1786 по 1794 год руководил Сухопутным шляхетным кадетским корпусом; там же в конце XVIII века преподавал Ф. И. Клиндер, знаменитый немецкий поэт и драматург, пьеса которого «Буря и натиск» дала название целому периоду в истории немецкой литературы; большое количество немецких профессоров

¹ Смагина Г. И. Немецкие ученые и Российская Академия наук // Немцы в России. СПб., 2004. С. 60.

преподавало в Московском университете и гимназии при нем, например, И. М. Шаден учил и Н. М. Карамзина, и М. Н. Муравьева, и Фонвизина; также главным наставником Фонвизина был другой немецкий профессор – И. Г. Рейхель. Таким образом, видим, что немецкое окружение было очень важно для русских образованных людей XVIII века и Фонвизин в этом не отличался от своих современников, для него немецкая культура и литература также не могла не иметь большого значения.

Цель нашего исследования – понять, какое значение имела Германия для литературного сознания Фонвизина, какую именно роль немецкие контакты сыграли в формировании Фонвизина как писателя, выявить, как работа над переводами с немецкого языка повлияла на становление Фонвизина как автора. Из этой цели вытекают следующие задачи: 1) собрать и проанализировать научную литературу, посвященную изучению воздействия немецкой литературы на творчество Фонвизина и его переводам с немецкого, 2) сравнить переводы с оригиналами и выяснить принципы работы Фонвизина над переводами, 3) определить, какие черты немецкой литературы или какие жанры оказали решающее влияние на творчество Фонвизина.

Материалом данной работы являются переводы с немецкого языка (в том числе и как с языка-посредника), выполненные Фонвизиным. Особое внимание уделяется художественным текстам, некоторые из которых (переводы «Басен нравоучительных» Гольберга и «Смерти Авелевой» Геснера) рассмотрены более подробно. Каждому из этих текстов посвящена отдельная глава. Для более глубокого анализа были выбраны именно эти произведения, так как «Басни нравоучительные» – первый перевод Фонвизина, а «Смерть Авелева» – самое неизученное из его переводческих начинаний, в современная наука не выработала отчетливого представления не только об особенностях этого текста, но и о его реальном объеме. Таким образом, в данной работе в научный оборот впервые вводится неизвестный ранее в полном объеме, еще не опубликованный целиком текст Фонвизина.

Научная значимость данного исследования заключается в том, что анализ переводов Фонвизина с немецкого относится к малоизученным проблемам творчества этого автора. Теме «Фонвизин и Германия» прямо посвящена лишь одна работа – статья В. Н. Антонова.² Но в ней содержатся только замечания по поводу писем Фонвизина из Германии и указания на некоторые переводы, более подробно говорится об одном из них – о фонвизинском переводе басни Шубарта «Лисица-кознодей». Этот последний текст – единственный перевод, которому посвящено несколько научных работ. Но все же нельзя сказать, что этот текст исчерпывающе изучен, так как авторов статей о нем волнует исключительно вопрос датировки этого произведения. Существует и ряд исследований, авторы которых так или иначе упоминают немецкие переводы Фонвизина и дают оценку степени влияния немецкой культуры и литературы на автора, но все же комплексного и полного изучения переводов ещё не предпринималось. Таким образом, новизна работы заключается в том, что ранее не проводилось исследования переводов Фонвизина с немецкого языка как комплекса взаимосвязанных между собой текстов, не ставилась задача понять, каким было отношение Фонвизина к немецкой литературе.

Наше исследование имеет следующую структуру. Первая глава содержит общую характеристику контактов Фонвизина с Германией, отдельное внимание уделяется описанию переводов с немецкого, делается попытка систематизации этих текстов. Во второй главе отдельно разбирается первый перевод Фонвизина – сборник «Басни нравоучительные», приводится информация об оригинале и его авторе, прослеживается история создания и публикации перевода, русский перевод «Басен нравоучительных» сопоставляется с источником, выявляются сходства и различия между ними (сразу нужно отметить, что с датским басенным сборником русский перевод не сопоставляется, так как Фонвизин не знал датского языка и не был знаком с ним). Третья глава посвящена переводу поэмы «Смерть Авелева», здесь

² Антонов В. Н. Фонвизин и Германия // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987. С. 18–30.

дается информация об авторе оригинала, приводятся сведения о месте Геснера в русской культуре, описывается жанр прозаической поэмы, особое внимание уделяется характеристике рукописи текста и сопоставлению его с источником.

Глава 1

Фонвизин и Германия: общая характеристика литературных связей

1

Необходимость изучения влияния немецкой литературы на русских писателей XVIII века, как кажется, совершенно не требует доказательств. Литература Западной Европы очень часто проникала в Россию через немецкое посредничество. Более того, как отмечает П. Н. Берков, сама немецкая литература начала свое распространение по Европе именно с России.³ Говоря о немецкой и русской литературах XVIII века, исследователь подчеркивает важность изучения переводов с немецкого, их значимость при выявлении взаимосвязей и взаимовлияний русской и немецкой литератур: «Исследование русских переводов с немецкого в XVIII веке приобретает, таким образом, важное значение для установления того, что привлекало русских читателей в немецкой литературе и что дали русской литературе эти переводы».⁴

Здесь кажется уместным дать общее описание влияния немецкой литературы на русских писателей XVIII века (в связи с нашей темой нам наиболее интересны вторая и третья четверти века). Как пишет Р. Ю. Данилевский, «первым русским автором, который начал творчески осваивать достижения немецкой литературы, был, по-видимому, М. В. Ломоносов, всесторонне познакомившийся с культурой Германии в годы учения в Марбурге и Фрейберге»,⁵ в 30-е гг. с немецкого переводили и В. К. Тредиаковский, и А. П. Сумароков. Была «авторитетна поэтика Готшеда, на которую отчасти ориентируются Ломоносов и его современники в

³ Берков П. Н. Немецкая литература в России в XVIII веке // Проблемы исторического развития литературы. Л., 1991. С. 257.

⁴ Там же.

⁵ Данилевский Р. Ю. Германо-русские литературные связи // Русско-европейские литературные связи: XVIII век. СПб., 2008. С. 52.

разработке вопросов русской грамматики и стилистики».⁶ Из Готшеда переводил и И. П. Елагин (на службе которого состоял Фонвизин и с чьим литературным кружком он был близок). С екатерининского времени «происходит новый подъем интереса к немецкой культуре, расцветает искусство перевода».⁷ За этот период «с немецкого было переведено 107 романов (с французского - 350, с остальных языков - единицы). Ведущие писатели российского Просвещения (Радищев, Фонвизин, Хемницер и т.д.) хорошо владели немецким языком».⁸

Учитывая значимость немецкой литературы для русских писателей XVIII века, интересно проанализировать контакты Фонвизина с Германией и немецкой культурой. Конечно, нельзя не отметить, что среди европейских литератур, пожалуй, большее влияние на Фонвизина как на писателя оказала французская литература. Об этом, например, пишет П. Е. Бухаркин в работе «"Опыт Российского сословника" в контексте литературной деятельности Д. И. Фонвизина»: «...именно во французской литературе он <Фонвизин> находил импульсы для формирования может быть наиболее исторически продуктивной тенденции собственного прозаического стиля».⁹

Но все же и немецкая литература оказала на Фонвизина довольно значимое воздействие, которое необходимо выявить и изучить. Во-первых, ещё раз подчеркнем, что Фонвизин прекрасно владел немецким языком, а в юности даже значительно лучше, чем французским, о чем свидетельствуют его ранние переводы. Фонвизинские переводы с немецкого языка более точны и совершенны, чем его переводы с французского, кроме того, иногда Фонвизин переводил произведения французских авторов не с оригинала, а через немецкий посредник. Примером тому может служить перевод книги

⁶ Там же

⁷ Там же С. 53

⁸ Там же

⁹ Бухаркин П. Е. «Опыт Российского сословника» в контексте литературной деятельности Д. И. Фонвизина // Аониды: сборник статей в честь Н. Д. Кочетковой. СПб.; М., 2013. С. 35

французского аббата Габриэля-Франсуа Куайе «Торгующее дворянство», выполненный Фонвизиным в 1766 году, источником которого стал немецкий перевод этой книги Иоганна Юсти.

Во-вторых, важность немецкой литературы для творчества Фонвизина, для формирования его как писателя доказывает и тот факт, что первая вышедшая в печать книга Фонвизина – это перевод через немецкий посредник «Басен нравоучительных» датского писателя Л. Гольберга. Конечно, на первый взгляд может показаться, что совершенно неправильно относить перевод книги Гольберга к переводам Фонвизина из немецкой литературы. Но при более глубоком изучении этой проблемы можно прийти к выводу, что книга басен Гольберга имеет неоспоримую связь с немецкой басенной традицией и немецкой литературой вообще¹⁰, поэтому кажется целесообразным включить «Басни нравоучительные» (хотя, безусловно, с небольшой оговоркой) в число переводов Фонвизина из немецкой литературы.

В-третьих, важно обратить внимание на то, что во время обучения в Московском университете Фонвизин воспитывался И. Г. Рейхелем (1727-1778) – магистром Лейпцигского университета, приглашенным в России по рекомендации Готшеда.¹¹ В России он заведовал университетской библиотекой и преподавал немецкий язык и литературу, затем всеобщую историю. Студенты считали Рейхеля выдающимся лектором. Например, Князь И. М. Долгоруков писал о нем следующее: «Никто так красноречиво не

¹⁰ Об этом писала, например, немецкая исследовательница русской басни Х. Имендорффер: Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabeln im 18. Jahrhundert, Wisbaden, 1998. S. 362.

¹¹ Описывая биографию Рейхеля, мы будем опираться на следующие исследования: 1) Мичатек Н. Рейхель // Русский биографический словарь А. А. Половцова. Т. 16. СПб., 1913. С. 29–31; 2) Рудаков В. Е. Рейхель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.26. СПб., 1899. С. 515–516; 3) Шевырев С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета. М., 1855. С. 344–347; 4) Hexelschneider E. Dolmetscher der russischen Aufklärungskultur // Bilder-Wechsel: sächsisch-russischer Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung. Köln; Weimer; Wien, 2009. S. 223–242.

изъяснял ее <историю>; приятно было его слушать: ни одно слово не пропадало, ни одно событие не терялось; дар слова принадлежал ему в превосходстве».¹² В 1762 г. Рейхель редактировал «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или смешанную библиотеку о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». Журнал выходил в течение одного года (вышло 4 выпуска) и состояло из переводов студентов университета.¹³ Также отметим, что профессор способствовал и публикации отдельных переводов своих студентов не в рамках этого издания.

Безусловно, Рейхель оказал влияние на формирование литературного сознания молодого Фонвизина. В статье о Рейхеле в «Биографическом словаре профессоров Императорского московского университета» читаем: «Из писем Рейхеля к Миллеру мы могли бы с некоторой вероятностью заключить, что профессор своей иронией и своим умением схватывать неразумную сторону жизни, — свойствами, которые в этой переписке сильно обнаруживаются, — мог иметь отчасти влияние на нравственное развитие нашего гениального комика».¹⁴ Известно также, что именно он подтолкнул Фонвизина к созданию многих его ранних переводов. Характеризуя ранние переводы Фонвизина, Тихонравов отмечает «сильное влияние профессора»¹⁵ в выборе произведений для перевода. Именно «по совету Рейхеля Фонвизин перевел популярный в Европе и вызвавший большой интерес масонов роман Ж. Террасона»¹⁶, отметим также, что роман переводился на русский не с французского оригинала, а с немецкого перевода-посредника. Кроме того известно, что Фонвизин переводил на русский язык некоторые произведения

¹² Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1997. С. 149.

¹³ В том числе и из переводов Фонвизина.

¹⁴ Шевырев С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета. М., 1855. С. 344.

¹⁵ Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Тихонравов Н.С. Стчинения. Т. 3. М., 1898. С. 97.

¹⁶ Кочеткова Н. Д. Фонвизин Д. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. С. 307.

своего учителя, например, «Слово о том, что науки и художества процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве» (1762).¹⁷

Наконец, говоря о связях Фонвизина с немецкой культурой, нельзя не отметить, что Германия не могла не оказать влияния на Фонвизина, так как он не раз бывал в ней и вынес из путешествия различные впечатления, отразившиеся в его письмах. Не будем останавливаться на образе Германии, представленном в этих письмах, так как об этом уже не раз писалось и в общих монографиях о жизни и творчестве Фонвизина,¹⁸ и в более частных исследованиях.¹⁹

Таким образом, можно сделать вывод, что немецкая культура оказала значительное влияние на Фонвизина, поэтому представляется, что глубокое изучение его творчества невозможно без подробного исследования степени и особенностей этого влияния.

Конечно, эта проблема уже не раз привлекала внимание ученых. Основное внимание исследователей сконцентрировано на письмах Фонвизина из Германии, переводы, конечно, тоже исследуются, но гораздо в меньшей степени. Исключение составляет, пожалуй, один текст – стихотворная басня «Лисица-кознодей» (перевод из Шубарта), но и значительное количество работ, посвященных ему, связано в основном только с датировкой этого произведения.²⁰ В связи с вышесказанным важно уделить

¹⁷ Рудаков В. Е. Рейхель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1899. С. 515.

¹⁸ Например, следующие исследования: Пигарев В. К. Творчество Фонвизина. М., 1954.; Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: творческий путь. М.; Л., 1961.

¹⁹ Herrmann D. D. Fonvizin: Ironie und Tadel // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: 18 Jahrhundert. München. 1992. S. 413–448.

²⁰ Работы об этом тексте: 1) Антонов В. Н. Фонвизин и Германия // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М. 1987. С. 18-30. 2) Кулакова Л. И. Когда была написана «Лисица-кознодей»? // XVIII век. Сб. 7., М.; Л. 1966. С. 174–180. 3) Grasshoff H. Eine deutsche Parallele der «Лисица-кознодей» // Zeitschrift für Slawistik. 1962. Bd. 7. H. 2. S. 167–174.

внимание переводам Фонвизина с немецкого (в первую очередь из немецких авторов), выделить тех писателей, которых он переводил и тексты которых были ему важны.

2

Представим общее описание немецких переводов – перечислим их в хронологической последовательности и дадим их краткое описание. В 1761 году в печать вышла первая книга Фонвизина – сборник «Басни нравоучительные», перевод прозаического сборника басен крупнейшего датского писателя Л. Гольберга.²¹ В данную книгу входит примерно 200 басен, среди которых есть тексты, которые, как кажется, могут быть сопоставлены с другими переводами Фонвизина этого времени и с точки зрения содержания, и с точки зрения стиля.

В этом же году в журнале «Полезное увеселение»²², «который издавался при Московском университете и состоял большею частью из трудов студентов»,²³ был напечатан рассказ «Правосудный Юпитер». В данном произведении действие происходит в Греции, где народ несправедливо обвинял Юпитера в жестокости. В ответ на их жалобы бог пообещал выполнить любое их желание. Обдумав это предложение, люди попросили Юпитера даровать им способность видеть свое будущее. Юпитер, понимая всю неразумность этого желания, исполнил его, что привело к ужасным несчастьям для каждого, кто был слишком любопытен.²⁴

Упоминания об этом тексте в работах о жизни и творчестве Фонвизина довольно редки. Первый биограф Фонвизина П. А. Вяземский, говоря о

²¹Это произведение будет подробно проанализировано во второй главе работы.

²² Полезное увеселение. 1761. Ноябрь. № 19-20. С. 161-178.

²³ Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 3. М., 1898. С. 94.

²⁴ Текст рассказа «Правосудный Юпитер» существует только в виде прижизненной журнальной публикации и, следовательно, скорее всего, не знаком читателю. См. полный текст рассказа в приложении к настоящей работе.

ранних переводах Фонвизина, не упоминает рассказ «Правосудный Юпитер».²⁵ Пожалуй, впервые упоминание о том, что Фонвизин написал этот текст, встречается в книге Н. С. Тихонравова, который говорит о нем, давая общую характеристику ранним фонвизинским переводам, и относит этот текст к «нравоучительно-сатирическим сочинениям, которые очень нравились в прошедшем столетии и своею манерой оставили более или менее заметные следы в комедии того времени».²⁶ Исследователь также подчеркивает, что обличительная и дидактическая направленность «Правосудного Юпитера» является характерной чертой для всего журнала, в котором он был напечатан.²⁷ Уже в XX в. это же отмечает К. В. Пигарев,²⁸ указывая на то, что это произведение соответствует «морально-дидактической тенденции» журнала «Полезное увеселение», добавляя при этом, что сотрудничество с этим журналом носило для Фонвизина эпизодический характер, так как «видимо, по своему абстрактно-моралистическому направлению этот журнал был ему чужд».²⁹

Несмотря на то, что в некоторых работах можно найти краткие замечания по поводу этого произведения, этот перевод остается практически неизученным. Как пишет В. Д. Рак, «рассказ “Правосудный Юпитер” не привлекал внимания советских литературоведов»³⁰. Только недавно был установлен источник этого перевода – рассказ «Der gerechtfertigte Jupiter» из

²⁵ Можно предположить, что Вяземский не знал о том, что Фонвизин писал этот текст.

²⁶ Тихонраов Н. С. Там же. С. 95.

²⁷ Там же.

²⁸ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 53.

²⁹ Там же.

³⁰ Рак В. Д. Об одном раннем переводе Фонвизина // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 398.

сборника «Опыт нравоучительных повестей» немецкого писателя И. Г. Б. Пфейля³¹ (1732–1800)³², вышедшего в 1757 г. в Лейпциге.

В 1762 году³³ в журнале «Собрание лучших сочинений», издаваемом учителем и наставником Фонвизина, профессором Московского университета И. Г. Рейхелем, выходят фонвизинский перевод произведения Л. Менара «Изыскание о зеркалах древних»³⁴ (выполненный через немецкий перевод Л. Готшед); «Рассуждение о приращениях рисовального художества, с наставлением в начальных основаниях оногo» И.-Ф. Райфенштейна (1719—1793), директора института для русских художников в Риме; «Рассуждение о действии и существе стихотворства» А. Ярта (из журнала М. Лепренс де Бомон «Le nouveau magazin françois»³⁵); «Торг семи муз», отрывок из «Сновидений»³⁶ И. Г. Крюгера.³⁷ Последний перевод отличается от других по жанру. Это не «ученая статья»,³⁸ а художественное произведение, рассказ о том, как Юпитер послал к людям семь муз, которые должны были продавать разум, добродетель, долгую жизнь, увеселения, честь и золото; но люди очень грубо обошлись с музами, проявив жестокость и жадность.

³¹ Пфейль – немецкий писатель и юрист; был лично знаком с И. В. Гете, который признавал, что Пфейль оказал на его влияние, в том числе и в вопросах стиля. Пфейль положил начало двум новым для Германии литературным жанрам: мещанской трагедии (которой он занимался параллельно с Г. Э. Лессингом) и особого рода нравоучительной повести, которая основана на английской и французских традициях моралистической прозы.

³² Рак В. Д. Указ. соч. С. 398.

³³ Для полноты описания отметим, что к 1762 году относится также фонвизинский перевод с немецкого речи Рейхеля на коронацию Екатерины II.

³⁴ Оригинал написан по-французски.

³⁵ Перевод данного текста (речи академика из Руана) был выполнен с французского через немецкий посредник.

³⁶ Любопытно отметить, что два других «Сна» для этого журнала перевел брат Фонвизина, Павел Иванович.

³⁷ Крюгер И. Г. (1715–1759) – немецкий естествоиспытатель, математик, врач, писатель эпохи Просвещения. «Сновидения» были созданы им в 1754 г.

³⁸ Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 3. М., 1898. С. 98.

К. В. Пигарев отмечает близость перевода из Крюгера с «Правосудным Юпитером», относя оба произведения к жанру дидактического рассказа.³⁹ Характеризуя «Торг семи муз» с точки зрения качества перевода, Стричек отмечает, что «молодой переводчик столкнулся с несколькими темными местами, кое-что с трудом выражалась средствами русского языка; но диалоги в этом переводе гораздо живее, чем в новом, вышедшем спустя 20 лет».⁴⁰ Здесь имеется в виду переиздание этого произведения, опубликованное Новиковым в «Живописце».⁴¹ Тихонравов дает этому тексту следующую характеристику: «Здесь сатира получила форму письма любопытного зрителя, в нее вставлены уже черты русские, намеки на русское общество, которые так любил Новиков».⁴²

В «Собрании лучших сочинений» публиковался предпринятый по совету Рейхеля перевод книги Ж. Террассона⁴³ «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского», выходявший с 1762 по 1768 г. Перед публикацией романа Рейхель поместил в журнале свою статью «Известие и опыт о российском переводе “Сифа”», где дал высокую оценку фонвизинскому мастерству переводчика: «При столь великом множестве худых книг видно похвальное достоинство переводчика, когда избирает он нечто доброе, полезное и особенное. Что господин Фонвизин в рассуждении сего сделал, о том общество узнает с удовольствием. О знании его в немецком языке я весьма уверен, а общество видело уже силу его в российском языке как из

³⁹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 55.

⁴⁰ Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 53.

⁴¹ Новиков Н. И. На сих днях получил я писание // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1952. С. 157 – 162.

⁴² Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 3. М., 1898. С. 98

⁴³ Террасон Ж. (1670-1750) – французский филолог, священник. «Жизнь Сифа» (1731) – дидактическое произведение в традиции фенелоновских «Приключений Телемака».

различных опытов, так и из басен барона Гольберга».⁴⁴ Данное произведение издавалось Фонвизиним частями. Первые три были переводом с немецкого текста-посредника, последняя часть была переведена с французского оригинала.

Интересно, что перевод снабжен предисловием Фонвизина, в котором кроме сведений об авторе и пояснений о пользе данной книги, говорится и о стремлении переводчика к максимальной точности («Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полезное нравоучение»),⁴⁵ и о жанре переводимого произведения («В том нет нималого сомнения, чтоб книга сия не была роман»)⁴⁶

Характеризуя фонвизинский перевод романа, Ю. М. Люстров отмечает: «В романе Террасона нет места так любимой Фонвизиним иронии, произведение ученого аббата наполнено самыми разнообразными сведениями, широковещательно, серьезно и чрезвычайно полезно».⁴⁷ Также исследователю указывает на то, что герои этого произведения «демонстрируют крайнюю чувствительность и бывают необыкновенно эмоциональны».⁴⁸

В 1766 году через немецкий посредник (перевод Юсти) Фонвизин переводит книгу Г. Ф. Куайе «Торгующее дворянство». Любопытно, что в этом труде, посвященном в первую очередь экономике, дается оценка романам и их сочинителям: «Нам не должно почитать сочинителей романов, сказок, песен бесполезными гражданами: они помогают к содержанию книгопродавца и людей торговых и торг самый чрез то умножают. Пускай продолжают они свои сочинения, только бы не вредили нравам и закону. Они

⁴⁴ Рейхель И. Г. Известие и опыт о российском переводе «Сифа» // Собрание лучших сочинений. 1762. Ч. III. С. 97.

⁴⁵ Фонвизин Д. И. Предисловие [к переводу романа «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского»] // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.; Л. С. 222.

⁴⁶ Там же С. 221.

⁴⁷ Люстров Ю. М. Фонвизин. М., 2013. С. 30.

⁴⁸ Там же С. 31.

других способностей не имеют, а праздность и того была бы еще хуже. Какие люди бывают разбойниками? Люди праздные, которых игра и пьянство завело к злодеянию». ⁴⁹ Таким образом, как отмечает Тихонравов, автор труда «Торгующее дворянство» «очень низко ставит сочинителей романов». ⁵⁰

Среди переводов художественной литературы, относящихся к началу 60-х гг., можно проследить некоторые сходства. Во-первых, примечательно, что и немецкий перевод «Басен нравоучительных», и «Опыты» Пфейля, и «Сноведения» Крюгера, то есть все оригиналы фонвизинских переводов, изданы в Лейпциге в 50-х гг. XVIII века. В связи с этим нельзя не вспомнить, что профессор Рейхель приехал в Россию именно из Лейпцига и был тесно связан с жизнью Лейпцигского университета. Учитывая это, можно предположить, что в начале 60-х гг. Рейхель сам отбирал тексты, которые переводил Фонвизин.

Во-вторых, все художественные тексты можно отнести к одному жанру – прозаической нравоучительной литературе. В-третьих, эти тексты довольно близки на тематическом уровне. Например, Стричек обращает внимание на тематическую близость «Правосудного Юпитера» с первым переводом Фонвизина: «Идея рассказа, как и во многих баснях Гольберга, состоит в покорности судьбе». ⁵¹ Действительно, рассказу, порицающему людей, сопротивляющихся воли Бога и ропщущих на свою судьбу, по теме соответствуют тексты из сборника «Басни нравоучительные» (например, «О терновнике», «Терновниково превращение», «Различные желания льва и львицы», «Распря у зверей», ряд этих примеров можно продолжить), одной из главных мыслей которого является то, что людям необходимо смириться с волей Бога и положиться во всем на Его справедливость. Рассказ «Торг семи муз», посвященный изображению целого ряда людских пороков, также имеет

⁴⁹ Фонвизин Д. И. Торгующее дворянство // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л. С. 134.

⁵⁰ Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 3. М., 1898. С. 108

⁵¹ Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С.51.

параллели с «Баснями нравоучительными». Наконец, отметим, что все эти переводы довольно сходны по языку, склонному к афористичности.

Пожалуй, только перевод романа Террасона отличается от прочих переводов сентиментальностью и чувствительностью, совершенно чуждой остальным текстам. На первый взгляд это может показаться связанным с тем, что оригинал этого произведения написан на французском, но более убедительным объяснением этого отличия можно считать тот факт, что «Жизнь Сифа» связана с другой жанровой традицией.

Таким образом, перечислив и охарактеризовав ранние переводы Фонвизина с немецкого, можно сделать вывод о литературных вкусах молодого переводчика или о вкусах его учителя, который, безусловно, пытался привить их своему любимому ученику.

Итак, мы видим, что в 60-е гг. переводы с немецкого являются значительной частью творчества Фонвизина. С конца 60-х Фонвизин перестает переводить с немецкого, теперь его интересуют в первую очередь французские тексты. На вопрос, почему Фонвизин больше не переводит с немецкого, можно ответить только гипотетически. Возможно, это связано с тем, что, в достаточной мере овладев французским, Фонвизин решил попробовать нечто новое, возможно, это связано и с тем, что Рейхель уже перестал влиять на выбор текстов для перевода.

3

Лишь во второй половине 80-х гг. снова появляются фонвизинские переводы с немецкого. В 1785 году Фонвизин анонимно публикует перевод с немецкого «Рассуждения о национальном любочестии» И. Г. Циммермана⁵² (последнюю главу из книги «Von dem Nationalstolze»(1758)).

⁵² Циммерман И. Г. (1728-1795) – швейцарский врач, ученый, философ и писатель.

Принадлежность этого текста Фонвизину была доказана Г. П. Макогоненко.⁵³ Исследователь дает этому произведению следующую оценку: «... перевод довольно точный, это произведение, отмеченное печатью фонвизинского дарования»⁵⁴, его «отличает глубоко своеобразный, чисто фонвизинский стиль».⁵⁵ По мнению Г. П. Макогоненко, это произведение написано «особым, им <Фонвизиним> выработанным, высоким стилем, имитирующим торжественную, патетическую, напряженно-взволнованную ораторскую речь».⁵⁶

В 1787 году в сборнике «Распускающийся цветок» Фонвизиним была опубликована стихотворная басня «Лисица-Кознодей», являющаяся переводом прозаической басни Х.-Ф. Шубарта⁵⁷ «In Lybien starb mal ein Löwe...».⁵⁸ То, что «Лисица-Кознодей» переводное произведение, было доказано только во второй половине XX века, когда был найден оригинал, с которым работал Фонвизин.⁵⁹ До этого момента все исследователи творчества Фонвизина (начиная с Вяземского) единогласно относили этот текст к оригинальным произведениям Фонвизина, написанным в ранний период творчества. Установка источника фонвизинского текста позволила пересмотреть датировку, стало очевидно, что басня могла быть написана только между 1774–1787 гг.

⁵³Макогоненко Г.П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л. С. 629.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Шубарт Х. Ф. Д. (1739–1791) – немецкий поэт, композитор и журналист. Его поэтическое творчество относят к направлению «Бури и натиска». Шубарт издавал журнал «Немецкая хроника», где и поместил басню, послужившую источником для перевода Фонвизина.

⁵⁸ Schubart C. F. D. Eine Fabel (In Liebien starb mal ein Löwe) // C. F. D. Schubart Deutsche Chronik. Bd. 3. Augsburg. 1774. S. 613–614.

⁵⁹ Grasshoff H. Eine deutsche Parallele der «Лисица-кознодей»// Zeitschrift für Slawistik. Bd. 7. H. 2. 1962. S. 167–174.

В дальнейшем проводились попытки уточнить дату создания этого произведения. Так, по мнению Антонова, с произведением Шубарта Фонвизин познакомился в 1777 г.: «Именно во время путешествия 1777 г., вероятнее всего, и попали к Фонвизину номера «Немецкой хроники», периодического издания Х. Ф. Д. Шубарта».⁶⁰

Итак, описав переводы с немецкого 80-х гг., можно заметить, что Фонвизин возвращается к переводам немецкой нравоучительной литературы. Но его отношение к работе над переводами меняется. Особенно это видно на примере басни «Лисица-кознодей». Прозаический текст он переводит стихами, видимо, это связано в первую очередь с тем, что в это время в русской литературе стихотворная басня уже окончательно вытеснила прозаическую.

Подходя к концу описания немецких переводов Фонвизина, добавим, что есть текст, существующий целиком только в рукописи и точно не датированный. Это начало перевода поэмы С. Геснера «Смерть Авелева». Отметим, что этот текст занимает особое место среди других переводов Фонвизиним немецких авторов.⁶¹ Среди переводов Фонвизина, описанных выше, по стилю и жанру этот текст можно сопоставить только с «Жизнью Сифа».

Завершив описание, попробуем представить примерную классификацию нашего материала. Все немецкие переводы Фонвизина можно разделить на две части по хронологическому принципу: ранние переводы (60-е гг.) и поздние переводы (начиная с 1785 года). Очевидно, что с точки зрения объема переведенного эти периоды значительно отличаются друг от друга. В 60-е гг. Фонвизин создает большое количество переводов с немецкого, в том числе и переводов художественных произведений, среди которых есть как прозаические басни и похожие на них дидактические

⁶⁰Антонов В. Н. Фонвизин и Германия// Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М. 1987. С. 23.

⁶¹ Перевод «Смерти Авелевой» будет подробно рассмотрен в третьей главе данной работы.

рассказы, так и произведения,⁶² относящиеся к жанру прозаической поэмы, характеризующиеся сильным сентиментальным началом.

В заключение отметим, что на основе предпринятого описания можно сделать некоторые общие выводы, касающиеся в первую очередь ранних переводов, что связано в первую очередь с объемом материала. Именно немецкие произведения стали для Фонвизина первыми образцами нравоучительной прозы. Уже в работе над их переводами начался складываться индивидуальный стиль прозы Фонвизина, отличающийся афористичностью и дидактической направленностью. Также отметим, что дальнейший анализ переводов произведений, относящихся к жанру прозаической поэмы, позволит более ясно представить отношение Фонвизина к сентиментальному.

⁶² К этой группе, кроме «Жизни Сифа», можно было бы отнести (конечно, только гипотетически) и «Смерть Авелеву».

Глава 2

«Басни нравоучительные» Л. Гольберга в переводе Д. И. Фонвизина

1

«Басни нравоучительные с изъяснениями барона Гольберга», первый труд Фонвизина, появившийся в печати, вышли как приложение к газете «Московские ведомости» от 24 апреля 1761 г. Сборник представляет собой ряд небольших прозаических текстов, композиция большинства из них двухчастная – собственно басенный сюжет и заключительное нравоучение (мораль). Перевод Фонвизина не является дословным и полным. Писатель перевел не все басни сборника Гольберга: первое издание (1761) включает 183 басни, второе и третье (1765 и 1787) 225, тогда как в оригинале – 232 басни; предисловие Гольберга также не переведено, порядок расположения басен в переводе и в источнике значительно различается.

Остановимся более подробно на оригинальном сборнике: он был напечатан в Дании в 1751 году и почти тут же был переведен на немецкий язык. Этот немецкий текст, опубликованный в Лейпциге, создал И. А. Шайбе.⁶³ Так как фигура немецкого переводчика является для русской культуры малоизвестной, необходимо остановиться на его биографии. И. А. Шайбе родился в 1708 году в Лейпциге, значительное время провел в Копенгагене, где и умер в 1776 году. В первую очередь современникам он был известен не как переводчик, а как композитор, музыкальный критик, издатель музыкального журнала, автор работ по теории музыки.⁶⁴ Его немецкое

⁶³ Здесь нужно добавить, что в русской научной литературе, посвященной изучению перевода Фонвизина «Басен нравоучительных», никогда не упоминается автор немецкого перевода, хотя некоторые зарубежные исследователи его называют. Например, о принадлежности немецкого перевода басен («Moralische Fabeln mit beigefügten Erklärungen einer jeden Fabeln: aus dem Dänischen der Herrn Baron von Holberg übersetzt durch J. A. S. K. D. C.») И. А. Шайбе упоминается в следующей работе: Eaton J. W. The German Influence in Danish Literature in the Eighteenth Century: The German Circle in Copenhagen (1750–1770). Cambridge, 1929. P. 71.

⁶⁴ Welti H. Johan Adolf Scheibe // Allgemeine Deutsche Biographi: in 49 B. München; Leipzig, 1890. B. 30. S. 690.

переложение басен Гольберга снабжено предисловием, в котором говорится о том, что перевод выполнен с максимальной близостью к оригиналу и является почти дословным.⁶⁵ Именно этим источником пользовался Фонвизин при переводе басен Гольберга; ⁶⁶важно заметить, что в XVIII веке немецкий язык часто выступал в роли посредника, более того, как пишет Ю. Д. Левин в статье «Художественный перевод в литературной культуре XVIII века», «благодаря немецкому посредничеству у нас получили известность почти все произведения крупнейшего датского писателя XVIII века Людвиг Хольберга».⁶⁷

Необходимо остановиться на личности этого датского писателя и на рецепции его творчества в XVIII веке в России. Барон Людвиг Гольберг⁶⁸ (Хольберг) – знаменитый датский писатель норвежского происхождения. Он родился в 1684 г. в Бергене, где учился сначала в немецкой, а затем латинской школе. В 1704 г. Гольберг сдал экзамены по теологии и философии в Копенгагенском университете и получил право преподавать. С Копенгагенским университетом была связана деятельность Гольберга как профессора, в разные годы он преподавал в нем метафизику, историю и географию. К научным трудам Гольберга относятся такие значимые произведения как «Описание Дании и Норвегии» (1729), «История Датского

⁶⁵ «Mich dünkt, dass das beste an einem übersezten Werke dieses ist, wenn sich der Uebersetzer auf eine sehr gewissenhafte Art an sein Original gebunden hat: wie sollte man sonst den Geist der Verfassers daraus bemerken können?» (Vorbesicht des Uebersetzers // Moralische Fabeln mit beigefügten Erkläerungen einer jeden Fabeln: aus dem Dänischen des Herrn Barons von Holberg übersaetzt durch J. A. S. K. D. C. Leipzig, 1751. S. 10).

⁶⁶ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 50.

⁶⁷ Левин Д. Ю. Художественный перевод в литературной культуре XVIII века // Русско-европейские литературные связи XVIII века. СПб., 2008. С. 308.

⁶⁸ При составлении его краткой биографии использовались следующие источники: 1) Русско-европейские литературные связи XVIII века. СПб., 2008., 2) Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. М., 1980., 3) История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995., 4) Храповицкая Г. Н. Хольберг // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 5. М., 1988.

государства» (1732–1735), «Описание Бергена» (1737), «Всеобщая история церкви» (1738).

Но известность Гольберга связана в первую очередь не с его научными трудами, а с комедией.⁶⁹ Являясь автором многочисленных пьес, пользующихся успехом и за рубежом, («Жестянщик-политикан», «Жан де Франс», «Йеппе с горы») Гольберг создал датский национальный театр. Несмотря на значительный успех Гольберга как комедиографа, делом своей жизни знаменитый датский писатель считал историю и этику, что связано, возможно, и с тем, что Гольберг был известным деятелем эпохи Просвещения и в своих произведениях на первое место ставил нравственное и гражданское содержание. Вопросам морали посвящены «Нравоучительные рассуждения», «Мысли о морали», идеи Гольберга о нравственности и государстве нашли отражение в романе «Подземное путешествие Нильса Климма», теме нравственности посвящены и изданные Гольбергом в конце жизни «Нравоучительные басни».

Для истории датской литературы Гольберг является одной из самых значительных фигур. Автор многих значимых произведений, он также создал датский театр, датский литературный язык, кроме того Гольберг – первый датский писатель европейского масштаба, получивший звание «датского Мольера» и «северного Вольтера».

Гольберг является, пожалуй, первым скандинавским писателем, получившим известность у русского читателя. В России труды Гольберга начали переводиться с конца 50-х годов XVIII века⁷⁰. Первый перевод – «Рассуждения о китайском языке», опубликованный в «Ежемесячных сочинениях» в 1757 г.; в 1758 г. печатается фрагмент из «Нравоучительных рассуждений» Гольберга «О правильном употреблении хвалы и хуления».

⁶⁹ Интересно отметить, что известность Фонвизина связана также в первую очередь с комедией, хотя и жанр моралистической прозы имел для его творчества большое значение.

⁷⁰ При составлении описания переводов Гольберга на русский язык в XVIII века использовались материалы следующих справочных изданий: 1) Русско-европейские литературные связи XVIII века. СПб., 2008; 2) Словарь русских писателей XVIII века: вып. 1–3. Л.; СПб., 1988–2010.

Перевод «Нравоучительных басен» (1761) Фонвизиным также является одним из самых ранних переводов. После Фонвизина переводами из Гольберга занимались А. А. Нартов (комедии «Генрих и Пернилла, или Спор между бедностью и богатством», «Превращенный мужик», трагедия «Артаксеркс», появившиеся на русском языке в 1764–1765 гг.), Я. П. Козельский («История Датская» - в 1765 г.), В. Т. Золотницкий («История разных героинь» - в 1767-1768 гг.), А. Шурлин (комедия «Обманутый жених» - в 1768 г.), И. И. Кропотков (комедия «Гордость и бедность» - 1774 г.), И. С. Барков («Сокращение университетской истории» - в 1776 г.), М. П. Меншой (комедия «Арабский порошок, или Мнимый алхимист» - в 1781 г.). Кроме того, отдельными гольберговскими образами и мотивами пользовались и другие авторы. Например, И. П. Елагин в комедии «Русский француз»⁷¹ использовал в качестве сюжета пьесу датского драматурга «Jean de France»,⁷² которую он переложил на «русские нравы»; данная пьеса Гольберга стала основой и комедии Фонвизина «Бригадир»⁷³. Добавим, что влияние датского писателя на русскую литературу описано в одной из глав вышедшей в Амстердаме англоязычной книги «Ludvig Holberg – a European Writer: a Study in Influence and Reception»,⁷⁴ где отмечается особая значимость творчества датского просветителя для русской культуры и литературы.

Что касается Фонвизина и значимости для него творчества Гольберга, то речь идет не только об использовании им сюжетов комедий Гольберга в своих драматических произведениях. Хотя необходимо отметить, что обращение к драматургии Гольберга при создании собственной комедии является одним из неоспоримых доказательств важности творчества датского писателя для Фонвизина. Интересно обратить внимание и на тот факт, что именно со

⁷¹ Текст комедии до нас не дошел.

⁷² Берков П. А. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 66.

⁷³ Kantor M. Fonvisin and Holberg: a comparison of the Brigadir and Jean de France // Canadian-American Slavic Studies № 4. Pittsburgh, 1973. P. 475-484.

⁷⁴ Dillard C. Ludvig Holberg in the Russian Literary Landscape // Ludvig Holberg – a European Writer: a Study in Influence and Reception. Amsterdam. 1994. P. 104-139.

знакомства с произведением Гольберга связаны первые театральные впечатления Фонвизина. Как рассказывает писатель в «Чистосердечном признании», в его первый поход в театр на сцене «играли русскую комедию “Генрих и Пернилла”»⁷⁵ - русский перевод пьесы Гольберга.

2

Заканчивая общее описание и приступая к более подробному анализу перевода Фонвизина «Басен нравоучительных», остановимся на вопросе историографии. Сразу нужно отметить, что работ, посвященных исследованию этого произведения немного, так как прозе Фонвизина, особенно переводной, всегда уделялось гораздо меньше внимания, чем его драматургии, по поводу которой существует огромное количество научной литературы. Практически все, что написано по поводу фонвизинского перевода басен представляет собой часть обзора всего творчества автора, в котором акцент сделан на другие произведения.

Первая книга, в которой упоминается о переводе, - биография Фонвизина, написанная П. А. Вяземским в середине XIX века. Во второй главе этого труда среди ранних переводов Фонвизина автор указывает на перевод басен Гольберга, обращая внимание на эстетическую ценность этого произведения: «Для тогдашнего времени язык перевода замечательно чист и свободен».⁷⁶

В вышедших после произведения Вяземского трудах исследователей и биографов Фонвизина басни упоминались, но никак не оценивались (например, в главах о Фонвизине в книгах П. Н. Полевого⁷⁷ и А. Н. Пыпина⁷⁸). В позднейших академических историях русской литературы, в

⁷⁵ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. С. 93.

⁷⁶ Вяземский П. А. Фонвизин // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 5. СПб., 1880. С. 21.

⁷⁷ Полевой П. Н. История русской словесности: В 3 т. Т. 2. Вып. 5. СПб., 1900.

⁷⁸ Пыпин А. Н. История русской литературы: В 4 т. Т. 4. СПб., 1899.

статьях Г. А. Гуковского⁷⁹ и В. П. Степанова,⁸⁰ перевод «Басен нравоучительных» также только называется среди прочих переведенных Фонвизиним текстом, хотя некоторые другие ранние переводы подробно анализируются.

Начало научного описания переводного сборника Фонвизина «Басни нравоучительные» было положено во второй половине XX века, когда появились монографии о творчестве Фонвизина, в которых сборнику басен уделяется уже большее внимание, так как учеными ставится задача описать литературную деятельность Фонвизина максимально полно. Среди этих исследований выделяется книга «Творчество Фонвизина» К. В. Пигарева, который, пожалуй, первым основательно проанализировал фонвизинский перевод «Басен нравоучительных».

Во-первых, ученый указывает на то, что «сборник содержит довольно разнородный по своей форме материал»⁸¹, и выделяет в нем, кроме басен, нравоучительные и сатирические рассказы и анекдоты. Во-вторых, перевод характеризуется как очень точный («большая точность при сравнении с оригиналом»⁸²) и написанный «живым разговорным русским языком»; также отмечается, что сборник не носит «отвлеченно-моралистический характер»⁸³, а направлен против современных общественных проблем.

Все вышеперечисленные признаки сборника отмечает и Г. П. Макогоненко. В его книге «Денис Фонвизин» также особенно подчеркивается обличительная направленность «Басен нравоучительных». Неравенство, пороки буржуа и дворянства, уважение к труду крестьян – данные темы выделяются как особенно важные в книге, также отмечается введение

⁷⁹ Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. М.; Л., 1947. С. 153.

⁸⁰ Степанов В. П. Фонвизин // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 655.

⁸¹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. С. 50.

⁸² Там же. С. 51.

⁸³ Там же. С. 52.

Фонвизиним в сборник «русского колорита».⁸⁴ К похожим выводам приходит и Л. И. Кулакова.⁸⁵

Новый этап в описании сборника басен Фонвизина связан с книгой французского исследователя А. Стричека «Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения»⁸⁶, вышедшей в конце XX века. В этой работе басни рассматриваются с большой степенью подробности (для них выделен специальный раздел), вслед за Пигаревым исследователь указывает на разнородный характер сборника, состоящего, по его мнению, помимо басен, из «нравоучительных и забавных историй».⁸⁷

Также важно заметить, что в книге Стричека оспаривается ряд замечаний, высказанных более ранними исследователями. Во-первых, утверждается, что перевод неточен («очень немногие из 225 басен, переведенных Фонвизиним, можно считать полностью соответствующими немецкому оригиналу»)⁸⁸. Стричек подробно изучает язык и стиль сборника и на многочисленных примерах показывает неточности в переводе, утверждает, что Фонвизин «не стремился сохранить стиль оригинала», «смягчил его тон» (например, «стилистически окрашенные слова переводятся как нейтральные»⁸⁹). Следующее положение, с которым спорит исследователь, это уже описанная выше гипотеза Макогоненко о наличии в «Баснях нравоучительных» «русского колорита». Стричек считает, что Фонвизин не русифицировал текст, а только удалил некоторые понятия, незнакомые русскому читателю.⁹⁰

Значимость исследования Стричека и в том, что в нем поднимаются темы, ранее не обращавшие на себя внимание ученых, высказывается ряд новых

⁸⁴ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: творческий путь. М.; Л., 1961. С. 71-91.

⁸⁵ Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. М.; Л., 1966. С. 18.

⁸⁶ Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 44-50.

⁸⁷ Там же. С. 44

⁸⁸ Там же. С. 45.

⁸⁹ Там же. С. 46.

⁹⁰ Там же. С. 48.

замечаний по поводу перевода Фонвизина. Особенно подробно рассматривается то, как в сборнике раскрываются религиозные и политические темы. Как пишет Стричек, Фонвизин очень осторожно обращается с этими темами, перевод смягчает наиболее острые положения оригинала. По мнению исследователя, это, скорее всего, связано с влиянием цензуры. Интересно мнение ученого о «философской сущности произведения» и о том, как хорошо она передана в переводе: «Как и у Гольберга, в баснях, переведенных Фонвизиним, отстаивается философия Разума в соответствии с законами Природы».⁹¹

В краткой характеристике басен в статье о Фонвизине из «Словаря русских писателей XVIII века» отмечаются в основном те же особенности сборника⁹², что и в книге Стричека: «перевод Фонвизина прозаический, но не всегда достаточно точный», «стремление переводчика в какой-то мере нейтрализовать грубоватые выражения и детали», «смягчена антиклерикальная и политическая сатира Гольберга, возможно, из-за вмешательства цензуры».

Говоря об изучении фонвизинского перевода басен, следует отдельно остановиться на интересном и в высшей степени важном немецком исследовании русских басен, книге «Die Geschichte der russischen Fabeln im 18. Jahrhundert», написанной Х. Имендорффер. В данной работе «Басни нравоучительные» Гольберга в переводе Фонвизина описаны как особый жанр (прозаическая басня), противопоставленный басне стихотворной (французской басне Лафонтена).

При рассмотрении научных исследований, анализирующих фонвизинский перевод «Басен нравоучительных», отдельного внимания заслуживает статья М. Остерби, опубликованная в 1970 году в «Zeitschrift für Slawistik»⁹³, так как

⁹¹ Там же. С. 49.

⁹² Кочеткова Н. Д. Фонвизин Д. И. // Словарь русских писателей XVIII века: выпуск 3, СПб., 2010. С. 305-319.

⁹³ Osterby M. Denis Ivanovich Fonvizins Uebersetzung der Moralischen Fabeln Ludvig Holbergs // Zeitschrift für Slawistik. № 15. Berlin, 1970. S. 893-899.

она является пока единственной отдельной работой, целиком посвященной переводному басенному сборнику Фонвизина, которую удалось найти⁹⁴. Статья содержит некоторые факты биографии молодого Фонвизина, сведения о влиянии Гольберга на русскую литературу, историю публикации «Басен нравоучительных». Кроме того, сравнивая перевод Фонвизина с источником, Остерби делает ряд любопытных наблюдений по поводу состава двух сборников⁹⁵, которые мы далее проанализируем отдельно.

Заканчивая обзор научной литературы о переводе Фонвизиним басен Гольберга, следует также отметить то общее, что выделяется во всех работах, посвященных этой теме. В первую очередь все исследователи отмечают успех, которым пользовался переведенный сборник у современников Фонвизина. Например, Пигарев подчеркивает: «Неоднократное переиздание басен свидетельствует о том, что книга нашла своего читателя».⁹⁶ Вторым, что объединяет все исследования, является тот факт, что перевод басен служил для Фонвизина, по словам Макогоненко, «своеобразной школой мастерства».⁹⁷ Как отмечено в монографии Пигарева, «словесная отточенность <...> сентенций предваряет сатирико-афористические приемы зрелого Фонвизина».⁹⁸ Кулакова пишет о том, что «работа над переводом помогла начинающему писателю выработать собственный стиль, учила ясности и краткости изложения мысли».⁹⁹ Таким образом, все ученые едины во мнении о том, что, работая над переводом «Басен нравоучительных», писатель вырабатывал особенности стиля и языка, отразившиеся в его

⁹⁴ Здесь важно отметить, что статья Остерби кажется недостаточно известной среди ученых, так как не упоминается ни в русских исследованиях о Гольберге и Фонвизине, ни в трудах Стричека и Имендорффер.

⁹⁵ В статье Остерби рассматриваются непереведенные Фонвизиним басни.

⁹⁶ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. С. 53.

⁹⁷ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: творческий путь. С. 79.

⁹⁸ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. С. 52.

⁹⁹ Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. С. 18.

поздних произведениях и принесшие ему славу: афористичность, ясность, лаконизм.

3

Сравнивая русский и немецкий переводы басен Гольберга, прежде всего, отметим то, что сборник Шайбе снабжен предисловием переводчика (довольно большим по объему текстом, в котором идет речь о значении басен Гольберга и о принципах перевода, которыми руководствовался немецкий автор). Фонвизин не переводит его и не пишет своего предисловия (хотя, как известно, некоторые переводы Фонвизина, созданные почти в то же время, имеют написанное им предисловие, например, роман Ж. Террасона «Жизнь Сифа, царя египетского» и «Иосиф» П.-Ж. Битобе).

Следующее, о чем важно сказать: сам Гольберг снабдил басенный сборник собственным предисловием, в котором формулируется его взгляд на идущую в Европе полемику по поводу двух типов басен – прозаической эзоповской и стихотворной лафонтеновской. Гольберг выступает в предисловии как сторонник басни прозаической, признает значение только эзоповского типа басни, а басню в стихах называет преходящей модой, не только ненужной (*unnoetig*), но и противоречащей самой природе (*unnatuerlich*).¹⁰⁰ Здесь важно заметить, что Гольберг выступает не против стихотворной басни как таковой (датский писатель в этом же предисловии дает высокую оценку басням К. Ф. Геллерта, писавшего басни, как известно, вольным ямбом), а именно против басен Лафонтена и его подражателей, главный недостаток которых видит в отсутствии оригинальности и в сосредоточении в первую очередь на форме. Это столь полемически направленное против «французских мод» предисловие Фонвизин не переводит, что может свидетельствовать о неактуальности данного спора о прозаической и стихотворной басне для

¹⁰⁰ *Moralische Fabeln...* S. 37.

русской литературы 60-х гг. XVIII века. Видимо, это связано с тем, что на тот момент ещё не выработалось какого-то определенного канона, поэтому и полемика была невозможна.

Переходя к следующему отличию, заметим – прозаическая басня мыслилась в первую очередь как басня с оригинальным сюжетом. Гольберг, характеризуя свой сборник, указывает, что почти все басни за некоторым исключением оригинальны. Большинство сюжетов действительно не имеют аналогов среди басен других авторов, а у 9 басен Гольберг указывает источник непосредственно после их заглавия: несколько басен из Бидерманна, несколько из Геллерта и одна из Лафонтена. Представляется важным немного остановиться на этих именах. Нужно отметить, имя Бидерманна, которым подписаны 4 басни¹⁰¹ («Лиса показывает опыт своего лукавства», «Медведь и лисица» и две басни с одинаковым названием «Лисица и волк») представляло для меня некоторую сложность. Так как, с одной стороны, «Bidermann» (в переводе с немецкого «Честный человек») является названием морально-просветительского еженедельника И. К. Готшеда, с другой стороны, для Гольберга большое значение представлял Я. Бидерманн, барочный поэт и драматург начала XVIII века, сюжеты которого датский писатель использовал в своих пьесах.¹⁰² Эта проблема решается при обращении к статье М. Остерби¹⁰³, где даны ссылки на страницы из

¹⁰¹ Интересно отметить, что эти тексты выделяются на фоне других тем, что представляют собой довольно традиционные сюжеты (лиса, отправившая волка хвостом ловить рыбу; лиса, притворившаяся мертвой и съевшая в последствии все с телеги крестьянина, который её подобрал), имеющие под час довольно неожиданное нравоучение. Например, басня о примерзшем к реке по вине лисицы волке учит читателя, что «с великими политиками отнюдь дружества иметь не должно, а особливо ссоры»; а басня о медведе, которого обманула лиса, лукаво подсказав место, где можно сыскать добычу, поучает: «кто от своего неприятеля обманут, не только не должен давать виду, что он тем недоволен, но и ещё притворяться, будто обида совсем не чувствительна».

¹⁰² Green-Ganzberg V. Ludvig Holberg and German-Speaking Europe // Ludvig Holberg: a European writer: a study in Influence and Reception. Amsterdam, 1994. P. 76; Allen J. K. Jeppe of the Hill: the Hedonistic Christian // Kierkegaard's Literary Figures and Motifs. Farnham, 2014. P. 43.

¹⁰³ Osterby M. Denis Ivanovich...S. 898.

написанного на латыни романа Я. Бидерманна «Utopia didaci bemarkini» (1640 г.), на которых находятся заимствованные Гольбергом басни. Таким образом, данные 4 басни можно однозначно атрибутировать.

Кроме басен из Я. Бидерманна, сборник Гольберга (и соответственно перевод Фонвизина) содержит три басни¹⁰⁴ из К. Ф. Геллерта (1715-1769) - знаменитого немецкого баснописца, популярнейшего автора немецкого Просвещения, преподавателя Лейпцигского университета, (лекции которого слушал, например, А. Н. Радищев, что описано им в «Житии Федора Васильевича Ушакова»), выпустившего в конце 40-х гг. сборник «Басни и сказки» (в более дословном переводе «Басни и рассказы»), который отличался сильным морализаторским началом, но написан не прозой, а вольным ямбом. Из «Басен и сказок» Гольберг и берет переведенные им басни, причем в своих примечаниях указывает даже страницы, на которых находятся эти басни в сборнике Геллерта. Последняя басня в книге Гольберга, которая имеет подпись, указывающую на её источник – басня Ж. Лафонтена (в немецком переводе подписано - aus dem Fontain); это произведение представляет собой переложение прозой истории о мельнике, его сыне и осле.

Что касается перевода Фонвизина, басня из Лафонтена им просто не переведена, а басни их Бидерманна и Геллерта переведены, но не подписаны. Указания на этих авторов, важные для Гольберга, Фонвизиним-переводчиком упускаются. Можно предположить, что это происходит из-за того, что упоминание имен барочного писателя и драматурга XVII века и видного немецкого просветителя и баснописца ничего не сказали бы русскому читателю (в отличие от читателя датского или немецкого). Как известно, труды Бидерманна на русский язык не переводились, а первые переводы из Геллерта, хотя и начали появляться в конце 50-х гг. XVIII века, представляли собой лишь совершенно незначительное количество текстов; а его сборник

¹⁰⁴ «Путешествие в город благополучия», «Милосердная Лукреция», «Духовная Феофила».

«Басни и сказки» был переведен на русский язык только в 1775 году М. Матским.¹⁰⁵

Теперь перейдем непосредственно к текстам, из которых составлена книга басен Гольберга и её перевод Фонвизина. Оригинальный сборник (так же как и немецкий перевод) состоит из 232 басен, сборник Фонвизина в первой редакции (1761 г.) состоит из 183 басен, во второй дополненной редакции (1765 г.) из 225. Если сравнить первую и вторую редакции фонвизинского перевода, можно отметить, что почти все басни, включенные в сборник в 1765 г., касаются тем, которые уже были представлены другими баснями в сборнике 1761 года. Поэтому можно высказать предположение, что Фонвизин, не успевая перевести все, выбрасывал басни, которые повторяли сюжеты уже переведенных текстов. Однако это можно сказать не обо всех баснях, во второй редакции все-таки присутствуют тематически новые добавления. Здесь речь идет о трех баснях, прямо посвященных теме Реформации, конфликту протестантской и католической церквей («Распря у зверей», «О великом послании в остров Ацирему» и «Действие слепой веры»). За аллегориями в этих текстах можно проследить осуждение кальвинизма, учения, которое «состояло в том, что Юпитер назначил некоторых тварей к благополучию, а других к страданию»¹⁰⁶; порицание католичества: «Главный начальник их назывался архигиерофит; он был между зверей точно то, что римский папа между людей...он требовал, чтобы верили звери самым невозможным вещам»¹⁰⁷, «Главная вера ... состояла в том, что лесной бог Пан хотя и есть владыка всех зверей, но надлежит почитать также Бебону и других жен, кои паки склонить могут к тому, к чему склонить они его <архигиерофита> хотят»;¹⁰⁸ критика людей, которые

¹⁰⁵ Данилевский Р. Ю. Геллерт// Русско-европейские связи: XVIII век. СПб., 2008. С. 46.

¹⁰⁶ Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные Голберга // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 391.

¹⁰⁷ Там же. С. 400.

¹⁰⁸ Там же.

участвуют в войне за реформаторскую веру, но не знают даже, сколько существует богов.¹⁰⁹

Видимо, по мнению Фонвизина, для русского читателя эта тема не представляла первостепенный интерес, поэтому он не перевел эти басни в первую очередь. Говоря об этих текстах, нужно также добавить, что тот факт, что они есть во второй редакции, наличие в них таких реалий как «римский папа», «реформаторская вера» является доказательством того, что при переводе Фонвизин не пытался русифицировать сборник. Это замечание важно, так как в научной литературе по этому вопросу существует и противоположное мнение.¹¹⁰

Но вернемся к сопоставлению перевода «Басен нравоучительных» Фонвизина и книги-источника. Если причиной неполноты (по сравнению с источником) первой редакции можно считать то, что Фонвизин просто не успел перевести ряд басен, то сказать то же о причинах неполноты второй редакции нельзя. В переводе 1765 года 225 басен, то есть не хватает всего семь текстов (довольно небольших по объему). Рассмотрев каждую отдельную басню, не вошедшую в перевод, можно с большой долей уверенности говорить о том, что Фонвизин не перевел их не из-за того, что у него не хватило времени. Действительно, анализируя эти исключенные басни, почти всегда можно найти причину (более или менее бесспорную), по которой они не вошли в сборник Фонвизина. Выявление этих причин кажется достаточно важным не только для подробного описания «Басен нравоучительных», но и для понимания художественных принципов, которыми руководствовался Фонвизин-переводчик. Необходимо добавить, что данная проблема затрагивалась в уже упомянутой в первой главе данной работы статье М. Остерби «Denis Ivanovich Fonvizins Uebersetzung der Moralischen Fabeln Ludvig Holbergs», но все же необходимо продолжить

¹⁰⁹ Там же. С. 406.

¹¹⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: творческий путь. С. 77; Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. С. 17.

исследование в этом направлении и более тщательно изучить причины отсутствия в переводе Фонвизина ряда басен.

Теперь попытаемся подробно проанализировать непереуведенные басни. Сразу стоит отметить, что среди них есть всего одна басня, героями которой являются животные («Der Ochs und der Bauer»), именно эта басня вызывает наибольшие затруднения при ответе на вопрос, почему Фонвизин не включил её в перевод¹¹¹, тогда как другие басни такого рода в нем присутствуют. Это довольно короткий текст, являющийся последним в сборнике Гольберга и соответственно в немецком переводе, который посвящен теме жестокости людей по отношению к животным. К этому надо добавить, что сборник Фонвизина (уже в первой редакции 1761 г.) содержит другую гораздо более длинную и подробную басню на эту же тему («Война зверей против людей»).

Следующая непереуведенная Фонвизиным басня, называющаяся «Der Mann und der Esel», является единственной во всем сборнике, источником которой послужил текст Лафонтена («Le meunier, son fils et l'âne»). С точки зрения Остерби, отсутствие перевода этого текста в сборнике Фонвизина связано с тем, что данный сюжет был уже разработан в 1762 году А. П. Сумароковым «Старик со своим сыном и ослом», а Фонвизин интересовался в первую очередь оригинальными и новыми сюжетами.¹¹² К этому предположению добавим, что, во-первых, этот сюжет использовал и М. В. Ломоносов в басне, входившей в вышедшее в 1748 году «Краткое руководство к красноречию», во-вторых, сочиненная на эту тему басня Сумарокова появилась впервые не в его сборнике «Притчи» 1762 года, а в майском номере «Трудолюбивой пчелы» в 1759 году, то есть всего за два года до выхода первой редакции «Басен нравоучительных». Также представляется важным, что переложение лафонтеновской басни прозой для Гольберга, безусловно, является полемикой

¹¹¹ В исследовании Остерби говорится о невозможности определить причины, по которой эта басня была исключена Фонвизиным. (Osterby M. Denis Ivanovich...S. 899.)

¹¹² Там же. S.897.

с французским басенным каноном. Возможно, и это можно считать причиной, по которой Фонвизин не включил эту басню в свой переводной сборник.

Также в переводе Фонвизина отсутствует басня «Der vermeinte starke Glaube eines Bauern», в которой речь идет о крестьянине, пытавшемся пройти по воде после услышанной им в церкви проповеди. В статье Остерби говорится о том, что в тематике этой басни нет ничего, что могло бы послужить для Фонвизина причиной не включать этот текст в перевод¹¹³, но, как представляется, с этим мнением можно не согласиться. Небезосновательно будет предположить, что такого рода обращение к церковной теме Гольберга могло быть неприемлемым для его русского переводчика. Переводя «Басни нравоучительные», Фонвизин был довольно осторожен, когда имел дело с сюжетами и реалиями, прямо касающимися христианской церкви. Как отмечает А. Стричек, «многие басни на религиозные темы явно сокращены», удалены такие слова, как «мученик», «монах»; «собор» заменен «советом», «молитва» - «речью» и т. д.¹¹⁴ Подобные изменения, внесенные в перевод, исследователь приписывает деятельности цензора¹¹⁵, но и нельзя отрицать возможность того, что они были обусловлены и взглядами самого переводчика. Так или иначе, отсутствие этой басни в сборнике Фонвизина, как кажется, вполне можно связать с темой данного текста.

Следующая не вошедшая в перевод Фонвизина басня носит название «Die Klage der Theologie, eingegeben in einer allgemeinen Versammlung der Kirche». Главной героиней этого текста является Теология, которая, обидевшись на другие науки за их пренебрежение к ней, подала жалобу в церковный собор, внявший её просьбам и сделавший её царицей над всеми науками, несмотря на присущую теологии абсолютную бесполезность. Данная басня, скорее всего, также не вошла в перевод в силу специфики своего сюжета: во-первых,

¹¹³ Osterby M. Denis Ivanovich... S. 899.

¹¹⁴ Стричек А. Денис Фонвизин... С. 47.

¹¹⁵ Там же.

она напрямую связана с церковной тематикой, занятиями богословием, где последние оценивается крайне отрицательно; во-вторых, имеет значение и то, что в России не стоял остро вопрос о месте теологии среди других светских наук, эта тема не была актуальна и важна для читателя.

Причина отсутствия в «Баснях нравоучительных» в переводе Фонвизина текста «Eines angeklagten Weibesbildes Entschuldigung», в котором в шуточной форме описывается суд над неверной женой, заключается также в тематике, но на этот раз довольно фривольного характера. О том, как при переводе басенного сборника Фонвизин обходит подобные темы, говорится в книге А. Стричека: «Одно слово заменяется другим, убирается эпитет, который мог бы смутить читателя».¹¹⁶ Любопытно, что схожую особенность переводческой манеры Фонвизина отмечает Л. Росси, анализируя его перевод поэмы П.-Ж. Битобе «Иосиф»; исследовательница указывает на то, что Фонвизиным устраняется все хоть сколько-нибудь неприличное.¹¹⁷

Среди причин, по которым некоторые басни могли быть не переведены Фонвизиним, кроме тех, что связаны с тематикой текстов, есть и причины исключительно языковые. Здесь речь идет о двух баснях, называющихся «Der Verhirte und die Kuh» и «Der Name stimmt oft nicht mit dem Leben ueberein», сюжет которых тесно связан с языковой игрой. В первой басне рассказывается о встрече Пастуха из Ютландии и всадника, комичность которой основана на диалектных особенностях речи ютландца. Что касается второй басни, в ней повествуется о юноше по имени Готлиб (что значит в переводе с немецкого языка «любящий Бога»), который вел несправедливую и безбожную жизнь и стал разбойником. Таким образом, в немецком тексте видим языковую игру, основанную на противопоставлении двух слов:

¹¹⁶ Там же. С. 46.

¹¹⁷ Росси Л. «Иосиф»: фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе// *Literarium fructus*. СПб., 2012. С. 129.

«Gotlieb» и «gotlos».¹¹⁸ Вполне правомерно предположить, что эти две басни не были переведены Фонвизиным, так как он счел невозможным адекватно перевести их на русский язык по лингвистическим причинам.

Подводя итоги разбора непереуведенных Фонвизиным басен, можно сказать, что, как мы видим, в абсолютном большинстве случаев мы можем назвать предположительные причины, по которым Фонвизин сознательно оставил ряд басен непереуведенными. На первый взгляд этот вопрос может показаться частным, а выводы, сделанные нами, исключительно гипотетическими. Конечно, нельзя забывать, что причинами отсутствия среди «Басен нравоучительных» некоторых текстов могут быть и факторы, нами не учтенные и не имеющие прямой связи с переводческими и литературными принципами молодого Фонвизина; но все же, кажется, что те причины, которые удалось найти, имеют основание, и их нужно учитывать, так как это важно и для понимания художественных принципов Фонвизина.

4

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, при сравнении сборников – это неоднородность их содержания. Книга Гольберга (и соответственно её немецкий перевод, который использовал Фонвизин) содержит басни разных типов, это разнообразие сохранено и Фонвизиным. На эту особенность «Басен нравоучительных» обращали внимание некоторые исследователи творчества Фонвизина. Например, К. В. Пигаревым в монографии «Творчество Фонвизина» отмечается: «Кроме басен, переведенных Фонвизиным, сборник содержит довольно разнородный по

¹¹⁸ О том, что причиной, по которой Фонвизин не включил в перевод басню «Der Name stimmt oft nicht mit dem Leben ueberein», является языковая игра, сказано и в статье Остерби (Osterby M. Denis Ivanovich Fonvizins... S. 899). Что касается басни «Der Verhirte und die Kuh», то причину её отсутствия среди «Басен нравоучительных» в переводе Фонвизина исследователь вилит не в языковой игре, а в том, что в этом тексте употребляются незнакомое русскому читателю географическое название – Ютландия (Там же. S. 898). Конечно, данное предположение имеет основания, но отметим, что в случае с этим текстом и языковой фактор имеет существенное значение.

своей форме материал».¹¹⁹ Исследователи предлагают следующую классификацию этого материала – все тексты сборника делятся им на басни в традиционном смысле, небольшие нравоучительные и сатирические рассказы и анекдоты.¹²⁰ Важно отметить, что эти понятия не комментируются, остается неясным, что точно имеется в виду, например, под басней в традиционном смысле или под нравоучительными и сатирическими рассказами. К проблеме систематизации текстов, входящих в «Басни нравоучительные» обращался и А. Стричек. Он также указывает на разнообразие состава этого сборника и выделяет, кроме басен, «нравоучительные и забавные истории»¹²¹, но эти понятия также никак не поясняются, не приводятся примеров этих историй, не понятно, что имеется в виду и чем они отличаются от басен. Таким образом, можно заключить, что в научных работах нет какой-либо обоснованной, определенной классификации текстов, входящих в состав «Басен нравоучительных».

Здесь интересно вернуться в прошлое и обратиться к немецкому переводу, выполненному И. А. Шайбе и снабженному предисловием, в котором переводчик тоже предлагает некоторую классификацию (разумеется, басен самого Гольберга). Все басни делятся им на три группы: «blosse Aesopische Fabeln» (традиционные эзоповские басни), «Erzählungen» (рассказы) и «allegorische Erdichtungen» (аллегорические сочинения).¹²² Как представляется, эта классификация достаточно соответствует материалу сборника Гольберга, а значит, соответствует и сборнику Фонвизина, который довольно полно отображает разнообразное содержание оригинала. Важно пояснить и развить эту классификацию, чтобы понять своеобразие сборника басен Гольберга и то, как оно было передано русским переводчиком.

¹¹⁹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. С. 50.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Стричек А. Денис Фонвизин... С. 44.

¹²² *Moralische Fabeln...* S. 22.

Действительно, когда читаешь «Басни нравоучительные», сразу бросается в глаза, что все многообразие сборника распадается на три довольно непохожие друг на друга группы. В состав первой входят басни в традиционном понимании этого жанра, то есть они представляют собой дидактические рассказы, героями которых чаще всего являются животные, с «прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл».¹²³ Отметим также, что почти все басни такого рода в сборнике «Басни нравоучительные» лишены комического начала: они поучают, но не смешат. Таких текстов в книге басен, написанной Фонвизиным, абсолютное большинство. Отметим, что все же некоторые из этих текстов выполнены не совсем в русле традиции Эзопа и его переводов. Здесь речь идет о необычной наполненности темами двух басен из книги Гольберга: басня «Разговор крестьянина с кроликом» представляет перечисление кроликом недостатков лесного общества, в ответ крестьянин говорит, что у людей все точно так же: бессильные терпят от сильных, не почитается добродетель и разум, судья несправедливы, глупость увеличивается со старостью, звери не хотят быть теми, кто они есть («Осел старается быть Слоном, а Сова - Соловьем»), браки подобны торгам, супруги неверны друг другу.¹²⁴ Басня «Лисицыно нравоучение»¹²⁵ (перечень советов для благополучной жизни) также поднимает большой, неподходящий для одного басенного текста круг проблем: лицемерие, бесчестность, лживость, чиновничество, гордость, воровство, лесть, взяточничество, жадность.

Вторая группа текстов в книге «Басни нравоучительные» – занимательные, часто смешные рассказы, герои которых люди, главная их особенность – отсутствие аллегорий и прямого нравоучения; их главная цель состоит в том,

¹²³ Гаспаров М. Л. Басня // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 74.

¹²⁴ Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные... С. 305.

¹²⁵ Отметим, что басни «Разговор крестьянина с кроликом» и «Лисицыно нравоучение» не имеют отдельной морали, что также является их особенностью.

чтобы заинтересовать и развлечь читателя. Например, басня «Игра карт»¹²⁶ представляет собой своего рода исторический анекдот. На то, что перед читателем не обычная нравоучительная басня указывает и автор: «Хотя книжка сия содержит только нравоучительные басни, однако я не мог оставить, чтобы не описать здесь смешного приключения, которое происходило при владении Английской Королевы Марии».¹²⁷ Этот текст представляет собой рассказ о том, как 7 октября 1556 года по поручению королевы Марии в Дублин приехал Доктор Коле с «указом о кровопролитии всех Ирландских еретиков и Протестантов»¹²⁸, но смог его передать его Губернатору, так как накануне хозяйка постоялого двора, где он остановился на ночлег, подменила этот указ колодой карт. В этой истории нет ни поучения, ни аллегорий. Подобна ей и басня «Отчего злые жены произошли на свет?», в которой главный герой ехал верхом по лесу и увидел «девку, которую избидеть хотел черт»¹²⁹. Спасая её, он замахнулся на черта саблей, но отрубил не только его голову, но и голову героини, далее «схватил он нечаянно чортову голову, и поставил ее на девкино туловище».¹³⁰

Подобных текстов в сборнике «Басни нравоучительные» можно найти ещё несколько десятков. Выделяя их характерные черты, можно отметить, во-первых, что героями в них всегда являются исключительно люди, во-вторых, комичность и отсутствие дидактичности и морализаторства. Хотя некоторые басни такого рода и содержат формальные поучения, но их содержание заставляет усомниться в нравоучительной направленности этих текстов, их цель – скорее насмешить читателя («Баснь показывает, что злые старые бабы

¹²⁶ Этот текст и в оригинале, и в немецком переводе, и в переводе Фонвизина имеет подзаголовок «Баснь или история».

¹²⁷ Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные... С. 364.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 353.

¹³⁰ Там же.

всего несноснее на свете»¹³¹ из басни «Злые старые бабы») или рассказать что-нибудь занимательное («Сие приключение доказывает, что так называемые варвары почитают то за чудесное, что в обыкновении у обходительных народов»¹³² из басни «О гренландце»; «Уверяют, что обыкновенно незаконные дети счастливее»¹³³ из басни «Завещание Лизимоново»). Наличие подобных текстов в сборнике нравоучительных басен можно объяснить тем, что прозаический сборник, отказываясь от «украшенности» сюжета и стихотворной формы, пользуется другим приемом; чтобы привлечь читателя, автор наравне с серьезными и дидактическими текстами вводит интересные или смешные рассказы. Добавим, что, как отмечает Э. Малек в работе «“Неполезное чтение” в России XVII-XVIII веков»¹³⁴, подобное строение (чередование серьезного и забавного) было свойственно нравоучительной литературе XVIII века.

Теперь перейдем к анализу третьей (и последней) группы басен, входящих в сборник «Басни нравоучительные», – к аллегорическим рассказам. Здесь нужно немного остановиться на самом термине, который выглядит достаточно спорным, если учитывать тот факт, что аллегоричность является одним из главных отличительных свойств басни как жанра. Обязательное наличие в басне аллегорий отмечают, например, «Краткая литературная энциклопедия»¹³⁵ и «Литературная энциклопедия терминов и понятий».¹³⁶ В нашей работе мы используем термин «аллегорический рассказ» вслед за немецким переводчиком басен Гольберга и понимаем под ним басни особого типа. Любопытно, что Шайбе в предисловии подчеркивает значение именно

¹³¹ Там же. С. 397.

¹³² Там же. С.377.

¹³³ Там же. С. 407.

¹³⁴ Малек Э. «Неполезное чтение» в России XVII-XVIII веков. Warszawa; Lodz, 1992. С. 58.

¹³⁵ Краткая литературная энциклопедия М., 1962. Т. 1. С. 467.

¹³⁶ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 74.

этих басен, называя их особенно важными («sehr wichtig»¹³⁷). Действительно, в силу своих особенностей эти тексты заслуживают отдельного внимания. Главная характерная черта этих басен заключается в том, что их герои не животные, не люди, а абстрактные понятия, представленные в виде аллегорий. Например, в басне «Договор между Философией и Механикою» героями являются Философия, Механика, Медицина и Эксперимент, а в басне «Жизнь Педантерии» - Грамматика и её дочь Педантерия (девица, которая «все то кушала охотнее, что сгнило и провоняло» и которой не было равных в «тончайшем исследовании самых безделиц»¹³⁸). Кроме того, эти аллегорические тексты отличает от других басен то, что в них почти никогда нет формально выделенного заключительного нравоучения. Особо отметим, что подобного рода тексты не встречаются в стихотворных сборниках басен, их наличие, видимо, является специфической особенностью прозаических басенных сборников XVIII века, причем именно оригинальных, так как в переводах того времени из басен Эзопа и «Панчатантры» таких текстов нет.

Закончив описание групп, на которые делятся басни в сборнике «Басни нравоучительные», можно прийти к следующей классификации: все тексты делятся на две большие группы – аллегорические поучительные рассказы и рассказы занимательные, в которых аллегория отсутствует – полезное и неполезное чтение. А группа поучительных рассказов делится в свою очередь на басни о животных (традиционные эзоповские басни) и басни, героями которых являются аллегии. Конечно, в данной классификации есть определенная доля условности, так как речь идет о живом литературном материале, в котором невозможно провести четкие разделения из-за наличия некоторых переходных случаев. Но все-таки для понимания структуры сборника, для уяснения, в чем его неоднородность и чем она обусловлена, классификация этих текстов необходима, и представляется, что

¹³⁷ Moralische Fabeln ... S. 22.

¹³⁸ Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные... С. 334.

предложенное в данной работе разделение басен наиболее соответствует описываемому материалу.

Необходимо также добавить, что наличие данной классификации помогает разобраться в ещё одной проблеме, а именно ответить на вопрос, какова логика в расположении басен в сборнике Гольберга и сохранена ли она Фонвизиним при переводе. Рассматривая порядок расположения басен в источнике, который использовал Фонвизин, с точки зрения нашей классификации, можно установить любопытный факт: все басни, героями которых являются аллегории, группируются в центре сборника, таким образом, книга басен композиционно делится на три части. Первая часть (с первой по 151 басню) содержит в основном басни о животных, среди которых иногда появляются занимательные или смешные рассказы; вторая часть (с 152 по 182 басню) в основном состоит из аллегорических рассказов; третья часть (с 183 по 232 басню) очень похожа на первую, но в ней немного больше занимательных историй.

Как мы видим, в расположении басен в источнике существовала определенная логика, и возникает вопрос, передал ли её Фонвизин при своем переводе. На первый взгляд, согласиться с тем, что русский переводчик хотел сохранить композиционное единство оригинала сложно, так как известно, что порядок расположения басен в переводе Фонвизина отличается от порядка расположения басен в оригинале кардинальным образом.¹³⁹ Но анализируя композицию «Басен нравоучительных» в переводе Фонвизина более подробно, становится ясно, что, несмотря на другой порядок текстов, общая композиционная логика оригинала русским переводчиком сохранена, книга распадается на те же три группы. Этот факт говорит нам о способности молодого переводчика прекрасно передавать своеобразие оригинального текста и о его погруженности во внутреннюю логику книги Гольберга.

¹³⁹ На то, что Фонвизин сильно изменил расположение басен, обращает внимание Имендорффер, исследовательница пишет о том, что данные изменения довольно сложно объяснить: «...dass Fonvizin die Anordnung sehr stark veraendert hat. Worin die Gruende fuer diese Umstellung liegen, ist schwer auszumachen» (Imendörffer H. Die Geschichte der russischen Fabel... S. 365).

Следующее, о чем важно сказать, анализируя перевод Фонвизина «Басен нравоучительных», это тематика сборника. В основном басни посвящены довольно традиционным для этого жанра темам: лицемерию (например, басни «Кот сделался пустынным», «Молитва волков», «Свинья и Хамелеон»), неблагодарности («Крестьянин и Собака», «Хамелеон и Кошка», «Крестьянин, Дракон и Лисица»), жадности («Дракон и Крестьянин», «Найденное сокровище скупого»), трусости («Военный суд над Зайцем»), глупости («Обезьяна», «Осел библиотекарем», «Для чего Феникс никогда почти невидим?»), гордыне («Кротова гордость», «Об осле, который хотел быть певчим», «О сове»), неумеренности («Экономический совет»), зависти («Олень и Кошка», «Судьба пастуха Дамона»). В книге «Басни нравоучительные» постоянно подчеркивается, что мир создан Богом справедливо, что каждому человеку в этом мире определено свое место (например, в баснях «О Терновнике», «Разумное прошение Журавля», «Жалоба тигрова» и т.д.); в сборнике высмеивается также преклонение перед знатностью («Лошадь знатной породы», «Осел-дворянин», «Кошка хвастает своим дворянством»), изучение бесполезных наук («Достойное награждение», «Пан делает учреждение», «Великий стихотворец»), щегольство («Свинья и Петиметр», «Леонорины фижмы»), дуэли («Собака и Волк»), особенно критикуется деятельность судей¹⁴⁰ и врачей¹⁴¹ как представителей совершенно бесполезных и даже вредных профессий («Лекари и стряпчие»).

Говоря о тематике «Басен нравоучительных», нужно заметить и то, что интересно было бы проследить, как эти темы отразились в дальнейшем творчестве Фонвизина. Эта проблема представляется довольно важной, требующей тщательного и подробного анализа и заслуживает отдельного исследования.

¹⁴⁰ Также в баснях «Осел судьей», «Лисица судьей», «Решение на медведеву просьбу», «Решение Рыбака» и т.д.

¹⁴¹ Также в баснях «Выдра лекарем», «Лев, Змея и Крот», «Журавль лекарем», «Кулик-лекарь» и т.д.

Глава 3

Отрывок из поэмы С. Геснера «Смерть Авелева» в переводе Д. И. Фонвизина

1

Перевод поэмы «Смерть Авелева», созданный Фонвизиным, никогда ещё не был отдельным объектом исследования и, как кажется, относится к забытым страницам творчества Фонвизина.

На то, что Фонвизин переводил отрывок из поэмы С. Геснера «Смерть Авелева», впервые обратил внимание П. А. Вяземский,¹⁴² который обнаружил рукопись с переводом. Этот перевод упоминается и в списке произведений Фонвизина в собрании его сочинений, вышедшем в 1866 году.¹⁴³ Показательно, что ни в работах Н. С. Тихонравова,¹⁴⁴ ни в статье о Фонвизине в «Русском биографическом словаре»¹⁴⁵ нет никакой информации об этом переводе.

Во второй половине XX в. об этом тексте говорится в некоторых общих работах о творчестве Фонвизина (например, в книге К. В. Пигарева,¹⁴⁶ в статье из «Истории русской литературы» Г. А. Гуковского¹⁴⁷). Отметим, что упоминания о переводе очень краткие и не содержат какого-либо анализа.

¹⁴² Вяземский П. А. Фон-Визин // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В. 12 т. Т. 5. СПб., 1880.

¹⁴³ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1886.

¹⁴⁴ Тихонраов Н. С. Материалы для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина. СПб., 1894; Тихонраов Н. С. Фон-Визин // Тихонраов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 90–129.

¹⁴⁵ Жданов И. Фонвизин Д. И. // Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 171–198.

¹⁴⁶ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954.

¹⁴⁷ Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 152–200.

В более поздних монографиях, посвященных творчеству Фонвизина, этот перевод вообще обходится. О нем ничего не сказано ни в монографии Г. П. Макогоненко,¹⁴⁸ ни в работе Л. И. Кулаковой,¹⁴⁹ ни в книге А. Стричека,¹⁵⁰ в которой все остальные переводы описаны весьма подробно. В «Истории русской переводной художественной литературы»¹⁵¹ об этом переводе также ничего не сказано.

Пожалуй, только в последних общих работах о творчестве Фонвизина и русско-европейских литературных связях можно опять встретить указания на этот перевод. В статье Н. Д. Кочетковой из «Словаря русских писателей XVIII века» отмечено: «Среди опубликованных посмертно трудов Ф<онвизина> – отрывки переводов из пьесы Л. Буасси “Обманчивая наружность, или Человек нынешнего света” и поэмы С. Геснера “Смерть Авеля”».¹⁵² Р. Ю. Данилевский в статье о Геснере пишет: «Из наиболее частых пер.: поэма “Смерть Авелия” (“Der Tod Abels”, 1758) (семь пер. полностью и в отрывках, среди переводчиков – Д. И. Фонвизин)».¹⁵³ Также упоминание о переводе есть в книге М. Ю. Люстрова.¹⁵⁴

Таким образом, перечислив основные указания на этот текст в научных работах, можно отметить, что все они носят довольно общий характер и анализ этого текста ещё не был предпринят. Также о неизученности данного произведения Фонвизина свидетельствует тот факт, что во многих

¹⁴⁸ Макогоненко Г. П. Фонвизин: творческий путь. М.; Л., 1961.

¹⁴⁹ Кулакова Л. И. Д. И. Фонвизин. М.; Л., 1963.

¹⁵⁰ Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения / пер. с фр. Е. Демьяновой. М., 1994.

¹⁵¹ История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995.

¹⁵² Кочеткова Н. Д. Фонвизин // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 317.

¹⁵³ Данилевский Р. Ю. Геснер // Русско-европейские литературные связи XVIII века. СПб., 2008. С. 56.

¹⁵⁴ Люстров М. Ю. Фонвизин. М., 2013. С. 75.

исследованиях оно вовсе не упоминается. Получается, что давно известный (по публикации Вяземского) текст Фонвизина не описан и не включен в литературный контекст творчества писателя и литературное движение эпохи.

Прежде, чем приступить к литературоведческому исследованию это перевода, нужно охарактеризовать текст оригинала, его автора и жанр, к которому относится «Смерть Авелева».

Соломон Геснер¹⁵⁵ (1730–1788) – немецко-швейцарский поэт, прозаик, художник и издатель, внесший большой вклад в разработку жанра прозаической идиллии. Исследователи его творчества подчеркивают, что особенное значение имел его лирический пейзаж, при создании которого он следовал традициям Б. Брокеса и Дж. Томсона, и ритмизированная проза.¹⁵⁶

Впервые сочинения Геснера на русском языке появились в 1772 г., когда в еженедельном журнале «Вечера», издаваемом кружком М. М. Хераскова, были напечатаны переводы пяти его идиллий («Идас, Микон», «К Дафнии», «Милон», «Дафнид»¹⁵⁷). Как отмечает А. Кросс, «известность Геснера достигла своего апогея в 90-е годы XVIII в.»,¹⁵⁸ хотя переводы его произведений продолжали появляться до 20-х гг. XIX века.¹⁵⁹ Среди переводчиков Геснера, помимо Фонвизина, были самые знаменитые писатели

¹⁵⁵ Перечислим основные исследования биографии и творчества Геснера: 1) Bircher M. Salomon Gessner: Maler und Dichter der Idylle 1730–1788. Wolfenbüttel, 1982; 2) Creizenach W., Süpfle T. Geßner, Salomon // Allgemeine Deutsche Biographie. Band 9. Leipzig 1879. S. 122–126. 3) Wölfel K. Geßner, Salomon // Neue Deutsche Biographie. Band 6. Berlin 1964. S. 346. 4) Leemann-van Elck P. Salomon Gessner: Sein Lebensbild mit beschreibenden Verzeichnissen seiner literarischen und künstlerischen Werke. Zürich; Leipzig 1930; 5) Pirro M. Salomon Gessner als europäisches Phänomen. Heidelberg. 2012; 6) Röben de Alencar Xavier W. Salomon Gessner im Umkreis der Encyclopédie: Deutsch-französischer Kulturtransfer und europäische Aufklärung. Genf, 2006; 7) Hibberd J. Salomon Gessner: His creative achievement and influence. Cambridge, 1976.

¹⁵⁶ Данилевский Р. Ю. Указ. соч. С. 55.

¹⁵⁷ Пятая идиллия не имеет названия.

¹⁵⁸ Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 210.

¹⁵⁹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938. С. 250.

второй половины XVIII века: Я. Б. Княжнин,¹⁶⁰ Н. М. Карамзин,¹⁶¹ Г. Р. Державин.¹⁶²

«Смерть Авелева» («Der Tod Abels») была создана Геснером в 1758 году и имела большой успех как на родине писателя, так и за границей (существует большое количество переизданий произведения как на немецком, так и в переводах). «Смерть Авелева» – поэма в прозе, жанр, возникший во Франции в самом конце XVII века и пользующийся огромной популярностью в XVIII веке. Его создателем считается Ф. Фенелон, автор «Приключений Телемака» (1699), предложивший новую пограничную форму, «поэтический язык в прозе»; «жанр обширной повествовательной поэмы в прозе, который сохранял условные черты древней эпопеи».¹⁶³ Подражая Фенелону, поэмы в прозе писал Ш. Монтескье («Книдский храм», «Путешествие в Пафос»). Успех этого жанра укрепил Геснер.¹⁶⁴ Как указывает А. А. Смирнов, «тексты Фенелона и Геснера стали образцами» для П.-Ж. Битобе, К.-А. Ватле, Ш. Дюкло.¹⁶⁵ Отметим, что этот жанр, по-видимому, не являлся до конца устоявшимся, имеющим определенные черты.

Например, подтверждением этого может служить тот факт, что в статье о поэме в прозе в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера Л. Жокур называет «Телемака» самым ярким примером этого жанра.¹⁶⁶ С другой стороны, Битобе, автор, которого причисляют к последователям Фенелона, не считал

¹⁶⁰ Перевел идиллии «Палемон» и «Весна» (1778–1781).

¹⁶¹ Перевел идиллию «Деревянная нога» (1783).

¹⁶² Перевел 5 идиллий Геснера (1810). Тот факт, что Державин создал эти переводы, доказан в статье А. Койтен, где они впервые публикуются (Койтен А. Державинские переводы из Геснера и Гердера // НЛО. 2002. № 54. С. 119-145).

¹⁶³ Смирнов А. А. Проблема эстетического признания прозы в европейской литературной теории XVIII века // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999. С. 11.

¹⁶⁴ Hibberd J. Salomon Gessner's Idylls as Prose Poems // The Modern Language Review. Vol. 68. 1973. No. 3. P. 569–576.

¹⁶⁵ Смирнов. Указ. соч. С. 12.

¹⁶⁶ Jaucourt L. Poème en prose / Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres. Paris, 1765. Vol. 12. P. 836–837.

«Телемака» поэмой.¹⁶⁷ Отношение некоторых других произведений французских писателей к жанру прозаической поэмы не является окончательно решенным вопросом.¹⁶⁸

В России жанр прозаической поэмы был представлен, видимо, в основном, переводами и не был так хорошо отрефлексирован, как в Европе. Л. Росси в статье, посвященной фонвизинскому переводу прозаической поэмы Битобе «Иосиф», указывает на то, что работая над поэмой, Фонвизин «очевидно, затруднялся в определении ее жанровых особенностей (тем более, что Третьяковский превратил прозаического “Телемака” в стихотворную эпопею) и не считал целесообразным поднимать проблему поэзии в прозе как таковую».¹⁶⁹ Таким образом, исследовательница рассматривает перевод «Иосифа» как один «из участников высоко экспериментального сезона между 1766 и 1770 годами»¹⁷⁰ и отмечает, что в 1770-е гг. прозаическая поэма, «произведение благородное, но и занимательное могла представляться вполне достойным и актуальным чтением для тех, кого не удовлетворяли ни строго философские, ни низкие авантюрные и/или нравоописательные романы».¹⁷¹ Анализируя роль этого жанра в русском литературном процессе, Росси приходит к выводу о том, что произведения, относящиеся к нему, «способствовали открытию того места в русской литературе, которое впоследствии займет оригинальная сентиментальная повесть, и временно занимали его».¹⁷² Заметим, что перевод «Смерти Авелевой» можно с

¹⁶⁷ «Если „Телемак“ не является поэмой, это не потому что он написан прозой, а потому что в нем часто не хватает приподнятости и теплоты эпопеи». Данная цитата представлена здесь в переводе Л. Росси (Росси Л. «Иосиф». Фонвизинский перевод П.-Ж Битобе: проблема жанра и рецепции // *Litterarum fructus*. СПб., 2012. С. 133).

¹⁶⁸ Leroy Ch. *La poésie en prose française du XVIIème siècle à nos jours. Histoire d'un genre*. Slatkine, 2001.

¹⁶⁹ Росси Л. «Иосиф». Фонвизинский перевод П.-Ж Битобе: проблема жанра и рецепции // *Litterarum fructus*. СПб., 2012. С. 139-140.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же. С. 141.

уверенностью отнести к той же литературной традиции, что и перевод «Иосифа».¹⁷³

Представив этот литературный контекст, перейдем к описанию произведения. Оригинальный текст поэмы состоит из короткого предисловия и пяти написанных прозой песен, изображающих известный библейский сюжет убийства Каином своего брата. Говоря об отношении к поэме в России, Р. Ю. Данилевский отмечает, что «Смерть Авелева» пользовалась «не меньшей известностью, чем идиллии Геснера, но ценилось в ней иное», для читателей было важно, что на первый план здесь выходит трагическая тема – разрушение идиллического мира.¹⁷⁴ В XVIII веке было опубликовано три полных перевода этой поэмы на русский язык. В 1778 г. в журнале «Утренний свет» под заглавием «Авелева смерть» печатается перевод И. С. Захарова. В переиздании 1780 г. переводчик отмечает следующие особенности стиля оригинала: «Средина между стихами и обыкновенною прозою, заключа в себе приятность первых и способность другой».¹⁷⁵ В 1799 г. выходят переводы В. М. Протопопова¹⁷⁶ и Л. А. Цветаева.¹⁷⁷

Наметив литературный контекст, перейдем к характеристике фонвизинского перевода. Единственная публикация, по которой с ним, видимо, знакомились исследователи, выполнена П. А. Вяземским в 1848 г. в качестве приложения (наряду с другими найденными им текстами) к книге «Фон-Визин».¹⁷⁸ На качество публикаций Вяземского указывал Г. П. Макогоненко. В его статье «История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия» читаем: «К сожалению, публикации Вяземского сделаны крайне

¹⁷³ Отметим тот факт, что Битобе считал произведения Геснера главным образцом.

¹⁷⁴ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII-XIX вв. Л., 1984. С. 236.

¹⁷⁵ Захаров И. С. Авелева смерть. СПб., 1780.

¹⁷⁶ Протопопов В. М. Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях. М., 1799.

¹⁷⁷ Цветаев Л. А. Авелева смерть: поэма в пяти песнях. М., 1799.

¹⁷⁸ Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб., 1848.

небрежно, – он печатал тексты не только с пропусками и ошибками, но и делал произвольные вставки и исправлял стиль».¹⁷⁹ И, действительно, публикация Вяземского, хотя, как кажется, не содержит ошибок и произвольных вставок, является совсем не полной. Текст, напечатанный им, представляет собой два совершенно не связанных между собой отрывка из перевода первой песни поэмы, тогда как рукопись – это связный и последовательный перевод первой песни, в котором не хватает только ее окончания.

Публикация Вяземского содержит 665 слов, а фонвизинская рукопись «Смерти Авелевой»¹⁸⁰ – 3050, то есть можно утверждать, что опубликована была только пятая часть фонвизинского перевода.¹⁸¹ Таким образом, оказывается, что единственная публикация не отражает реальный объем произведения Фонвизина.¹⁸²

Любопытно также отметить, что Вяземский дает публикации следующее название: «“Смерть Авеля” отрывок из первой песни, переведенной Фонвизиным». Данное название можно понять и как указание на то, что Фонвизин перевел только отрывок из первой песни, и как информацию о том, что Вяземский печатает лишь отрывок из рукописи, которая существует в составе рукописной тетради с автографами Фонвизина, хранящейся в РГАЛИ.

¹⁷⁹ Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 635.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 517 Оп. 1. Ед. хр. 2. Д. И. Фонвизин. Тетрадь с черновыми записями и набросками. 20 листов.

¹⁸¹ Таким образом, получается, что, только обратившись к рукописи, можно понять, что публикация Вяземского неполная. Подчеркнем, что информации об этом нет ни в одной из известных нам научных работ, в которых как-либо упоминался этот перевод.

¹⁸² Отметим также, что с момента начала учета архивом обращений исследователей к рукописи (1950-е гг.) она заказывалась только пять раз, последний раз в 1975 году. Среди ученых, читавших этот автограф Фонвизина, М. А. Арзуманова (в 1958 г.) и М. И. Гиллельсон (в 1966 г.); имена трех других читателей (в 1957, 1959, 1975 гг.) не удалось разобрать. Однако в списке обратившихся к рукописи нет имен авторов трудов о творчестве Фонвизина. Пожалуй, это может послужить ещё одним доказательством того, что перевод Фонвизина из Геснера совершенно не исследован.

Данная тетрадь представляет собой конвюлют, собранный, вероятно, самим Вяземским из найденных им рукописей, так как на обложке читаем: «Фон-Визин. Бумаги от него остающиеся». Документ состоит из 27 сшитых листов разного размера, среди которых есть как черновики со множеством исправлений, так и беловые рукописи. Архив датирует тетрадь концом 70-х – 80-ми гг. XVIII века.

Кроме интересующей нас «Смерти Авелевой» (занимающей 5 листов), в тетради находятся выписки из книг Филиппо Бальдинуччи¹⁸³ и Джорджо Вазари,¹⁸⁴ посвященные искусствоведению (лист 1);¹⁸⁵ «Мнение об избрании пьес в “Московские сочинения”» (лист 2); черновой вариант перевода двух отрывков из «Илиады» (лист 4); отрывок из комедии «Добрый наставник» (листы 11–15); прозаические произведения «О древних римских обычаях» (лист 16) и «Иппократ и Демокрит» (лист 22); письма Фонвизина к родным и друзьям (листы 3, 20, 21, 24–26); описание правил карточной игры (лист 23); несколько списков на русском и французском языках (лист 10, 15, 27).

Рукопись перевода поэмы «Смерть Авелева»¹⁸⁶, занимающая пять листов, значительно отличается от других текстов. Во-первых, только она имеет титульный лист, на котором написано: «Смерть Авелева, поэма, в пяти песнях, г. Геснера». Во-вторых, ни один другой текст (даже среди рукописей, содержащих небольшое количество исправлений) не написан таким разборчивым и чистым почерком. Также в переводе поэмы наименьшее количество исправлений, которые сделаны автором очень аккуратно теми же

¹⁸³ Филиппо Бальдинуччи (1624–1696) – итальянский историк искусства, филолог, специалист по истории рисунка и гравюры.

¹⁸⁴ Джорджо Вазари (1511–1574 года) – итальянский живописец, архитектор и писатель.

¹⁸⁵ Данные выписки могут быть связаны с интересом Фонвизина живописью и его занятиями торговлей произведениями искусства.

¹⁸⁶ Именно так названа поэма в рукописи. Ее полное название в публикации Вяземского: «Смерть Авеля, отрывок из поэмы Гессонера (перев. Фон-Визина)».

чернилами, что и сам текст.¹⁸⁷ Проанализировав внешний вид документа, можно заключить, что перед нами не одно из упражнений в переводе, не набросок или черновик, а уже результат некой серьезной работы, подготовка окончательного варианта текста. Здесь кажется уместным вспомнить, как Вяземский комментировал свою находку: «Ещё нашли мы начало перевода его “Смерти Авеля”, начисто рукою Фонвизина переписанное, почему можно полагать, что и вся поэма была им переведена».¹⁸⁸ Действительно, нельзя исключить, что могло существовать и продолжение перевода, которое было утеряно, как и черновики существующей белой рукописи.

2

Представив себе объем фонвизинского перевода и описав его рукопись, перейдем к тому, какие историко-литературные проблемы возникают при исследовании данного произведения. Как видим, перед нами большой текст Фонвизина, ставящий перед исследователем в первую очередь следующие вопросы: во-первых, когда был создан этот перевод; во-вторых, что можно сказать об особенностях техники фонвизинского перевода.

Что касается датировки этого произведения, на этот счет в науке существуют разные мнения. Публикуя текст, Вяземский не дает каких-либо комментариев по этому поводу. Впервые фонвизинский перевод из Геснера был датирован в 1866 г. С. С. Ефремовым. В вышедшем в этом году издании «Сочинения, письма и избранные переводы» Фонвизина в полном списке произведений автора поэма «Смерти Авеля» стоит под 1791 годом.¹⁸⁹ К сожалению, никакого обоснования такой датировки издание не дает. О том, что она закрепились на довольно долгий срок, говорит, например, статья Г. А.

¹⁸⁷ В отличие от остальных текстов в тетради поэма написана более светлыми чернилами.

¹⁸⁸ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 178.

¹⁸⁹ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866. С. 683.

Гуковского о Фонвизине в «Истории русской литературы», в которой ученый пишет: «В последние годы Фонвизин начал переводить “Смерть Авелеву”». ¹⁹⁰

Но уже через несколько лет К. В. Пигарев, характеризуя ранние переводы Фонвизина в посвященной его творчеству монографии, относит поэму «Смерть Авелева» именно к ранним переводам. Исследователь пишет о том, что в 60-е гг. Фонвизин «приступает к переводу поэмы Геснера “Смерть Авеля”», ¹⁹¹ никак не объясняя новую датировку и не говоря о том, что прежде наука относила этот текст к позднему творчеству Фонвизина.

Конечно, казалось бы, есть целый ряд оснований относить этот перевод к раннему творчеству Фонвизина. Его интерес к прозаической поэме в 60-е гг. подтверждается его переводом «Иосифа» Ж. Битобе, где в первой песни упоминается Геснер: «Последуя тебе, Авелев певец, свободное слово мое возвышенным стихотворства языком вещати будет!» ¹⁹² Об этом говорит, например, М. Ю. Люстров: «Предположение, что над переводами двух поэм в прозе, “Смерти Авелевой” и “Иосифа” <...> Фонвизин работал приблизительно в одно время, кажется логичным: в самом деле, его прозаические переводы из “Илиады” и “Смерти Авелевой” выглядят опытами, предвещающими появление русского “Иосифа” или ему сопутствующими, а сам выбор этих поэм может объясняться влиянием того же Битобе, почитателя Геснера и переводчика Гомера». ¹⁹³

Однако обращение к рукописи и анализ текста перевода могут заставить усомниться в подобной датировке. Прежде всего, РГАЛИ, где хранится автограф Фонвизина, датирует документы, содержащиеся в тетради, в состав которой входит интересующая нас рукопись, концом 70-х – 80-ми гг. XVIII

¹⁹⁰ Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 190.

¹⁹¹ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина М., 1954.

¹⁹² Фонвизин Д. И. Иосиф // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. С. 445.

¹⁹³ Люстров М. Ю. Фонвизин. М., 2013. С. 75.

века. Также ряд особенностей культурной жизни в России конца XVIII века указывает на то, что перевод «Смери Авелевой» вполне может быть поздним. Речь идет о том, что наибольшую популярность среди русских читателей, как уже говорилось выше, Геснер имел в 1770–1790-е гг. Важно и то, что интерес к теме разрушения идиллического пространства, которой, безусловно, посвящена поэма Геснера, приходится именно на конец XVIII века.

Конечно, нельзя не признать, что обе версии датировки не являются достаточно убедительными для того, чтобы окончательно отнести текст к раннему или позднему творчеству Фонвизина. Веским доказательством времени создания перевода могут послужить водяные знаки на бумаге, на которой написана поэма. К сожалению, нам пока не удалось с ними ознакомиться.

Следующее, что важно понять при исследовании фонвизинского произведения, это то, каким образом соотносится этот перевод с оригиналом Геснера. Как уже говорилось выше, немецкий оригинал поэмы, созданный в 1758 г., выходил многократно и в Лейпциге, и в Вене, и в Цюрихе без каких-либо авторских изменений, поэтому для сравнения с переводом, как кажется, может быть избрано любое издание. Мы будем опираться на издание, вышедшее в 1764 году в Лейпциге.¹⁹⁴ К тому же Фонвизин не раз переводил книги, напечатанные в этом городе. Ещё раз подчеркнем, что можно было бы выбрать и другое издание, так как они, по-видимому, ничем друг от друга не отличаются.

Итак, перейдем к сопоставлению.¹⁹⁵ Во-первых, оригинал содержит авторское предисловие и эпитафия из четвертой эклоги Вергилия, которые Фонвизин опускает. Во-вторых, обращаясь к синтаксису этих произведений, можно заметить, что синтаксис перевода в основном следует за оригиналом (в нем также довольно много длинных сложных предложений). Хотя есть и

¹⁹⁴ Gessner S. Der Tod Abels. Leipzig, 1767.

¹⁹⁵ Отметим, что немецкий текст цитируется по упомянутому выше лейпцигскому изданию, а русский по рукописи из РГАЛИ. При цитировании нет сносок на конкретные страницы, так как кажется, что это может придать тексту работы громоздкость.

примеры, когда переводчик разбивает одно длинное предложение на несколько коротких. Например: «Zärtliche Lieb und reine Tugend gossen sanftes Lächeln in die blauen Augen der Thirza, und reizende Anmuth auf ihre rosenfarbnen Wangen, und weisse Loken flossen am jugendlichen Busen und ihre Schultern herunter, und umschwebten ihre schlanken Hyften; so gieng sie dem Abel zur Seite».¹⁹⁶ При переводе это предложение делится Фонвизиным на три части: «Нежнейшая любовь и чистейшая добродетель вливали в прекрасные Тирзины очи сладкое веселье и прелестную приятность на румянец ланит её. Белые власы покрывали шею или, играя на плечах, украшали тонкий её стан. В сем-то виде шла она подле Авеля». Кроме того, отметим, что Фонвизин свободно меняет порядок слов и иногда даже заменяет перевод пересказом. Также можно отметить ещё одну особенность синтаксиса перевода, которая заключается в том, что Фонвизин иногда заменяет активный залог оригинала на пассивный. Например, «der Herr ... über der neuen Erde schwebte»¹⁹⁷ переводится как «поверх рождающейся земли носим был создатель», «dann will ich den Lob-Gesang singen»¹⁹⁸ как «и песнь воспета мною будет».

Но наиболее интересным является анализ лексики, используемой переводчиком. Первое, что здесь стоит отметить, – это большое количество неточностей. Уже первые слова перевода отличают его от оригинала. Начало немецкого текста «Ein erhabenes Lied möcht' ich izt singen»¹⁹⁹ переводится как «Пою громкими стихами». Любопытно, что Фонвизин переводит слово «ein Lied» (песня) словом стихи, учитывая, что перед нами прозаический текст. Выражение «пою громкими стихами» звучит как формула, характерная для высокой поэзии XVIII века. И употребление слова стихи по отношению к

¹⁹⁶ Нежная любовь и чистая добродетель изливали мягкую улыбку в голубые глаза Тирзы и влекущую красоту на ее розовые щеки, и белые локоны текли по юной груди и ее плечам и окружали ее стройные бедра; так шла она рядом с Авелем (перевод здесь и далее наш – Т. К.).

¹⁹⁷ «Господь парил над новой землей».

¹⁹⁸ «теперь хочу спеть похвальную песню»

¹⁹⁹ «Возвышенную песнь хотел бы я сейчас спеть».

тексту, написанному прозой, весьма необычно. Возможно, слово стихи здесь имеет значение «возвышенный, поэтический стиль», которое встречается в текстах XVIII века.²⁰⁰

Приведем ещё примеры неточного перевода: «Sitten des Landmannes»²⁰¹ переводятся как «нравы уединенного человека», «einsame Spaziergang»²⁰² как «уединенные увеселения», «die hauchältrische Vernunft»²⁰³ как «управляющий разум», «geläuterter Geschmack»²⁰⁴ как «просвещенный разум», «Träume»²⁰⁵ как «ночные привидения», «weinte»²⁰⁶ как «проливала горестные слезы», «sprach»²⁰⁷ как «вещал».

Очевидно, что большинство неточностей в переводе связано со стремлением Фонвизина предать изящному и сентиментальному тексту поэмы больше серьезности и торжественности. Особенно это заметно при сравнении описания внешности Авеля и Тирзы в оригинале и переводе. Например, «blaue Augen»²⁰⁸ переводятся как «прекрасные очи», «rosenfarbne Wangen»²⁰⁹ как «румянец ланит», «reizende Anmuth»²¹⁰ как «прелестная

²⁰⁰ Например, в переписке М. Н. Муравьева с сестрой находи слово стихотворческий в подобном значении: «Вышедшее сочинение Мармонтелево “Les Incas” я ещё не читал. Говорит Михайло Матвеевич, что слог прекрасен, но целое и расположение не могут в своем роде равняться со сказками. Оно в прозе, хотя и стихотворческое» (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 271).

²⁰¹ «нравы сельского жителя»

²⁰² «прогулка в одиночестве»

²⁰³ «хозяйственный здравый смысл»

²⁰⁴ «чистый вкус»

²⁰⁵ «сны»

²⁰⁶ «плакала»

²⁰⁷ «говорил»

²⁰⁸ «голубые глаза»

²⁰⁹ «розовые щеки»

²¹⁰ «влекущая красота / прелесть»

приятность», «süssen Lippen»²¹¹ как «прекрасные уста», волосы героини у Геснера «flossen am jugendlichen Busen»²¹², в переводе Фонвизина они «покрывали шею»; «schlanken Huefte»²¹³ переводятся как «тонкий стан». Тирза в переводе Фонвизина, «обняв его, воззрела на него <Авеля> с нежностью», у Геснера «...schlag sie ihren Lilien-weissen Arm um seinen Hals, sah zärtlich ihn an».²¹⁴ У Авеля в оригинале «das Lächeln der Augen»,²¹⁵ у Фонвизина мы видим «ясность взоров» героя; его «schlanke Schönheit»²¹⁶ переводится как «восторгающая приятность».

Ту же тенденцию можно проследить, если проанализировать переводы обращений героев друг к другу. Например, «meine Tirza»²¹⁷ переводится как «О Тирза», «liebliche Sonne»²¹⁸ как «О солнце», «thauender Morgen»²¹⁹ как «о утро», «Geliebte»²²⁰ как «дражайшие родители», «Geliebter»²²¹ как «бедный сын мой», «Sohn»²²² как «О Каин, любезный сын». Таким образом, видим, что Фонвизин довольно часто прибавляет частицу «о» перед обращением, что, как кажется, делает стиль поэмы более высоким. Кроме того, и другие примеры неточного перевода обращений могут быть объяснены этим же.

²¹¹ «сладкие губы»

²¹² «текли по юной груди»

²¹³ «стройные бедра»

²¹⁴ «обвивала его шею лилейно-белыми руками, нежно смотрела на него»

²¹⁵ «улыбка глаз»

²¹⁶ «стройная красота»

²¹⁷ «моя Тирза»

²¹⁸ «милое солнце»

²¹⁹ «тающее утро»

²²⁰ «любимые»

²²¹ «любимый»

²²² «сын»

Обращает на себя внимание перевод междометий, которых в тексте, учитывая сентиментальную природу поэмы Геснера, довольно много. В оригинале используется междометие «ach», которое Фонвизин заменяет на «увы» даже в тех случаях, где по смыслу речь о сожалении или «сетовании»²²³ не идет. Например, Тирза, радуясь своей взаимной любви, говорит в переводе Фонвизина: «Увы! Сколь много раз благодарила я благости Господней!... Каждый час благодаря ее за то, что ты создан для меня, а я для тебя сотворена; согласны в том, что думает душа и чего желает сердце, мы оба созданы друг для друга». Пожалуй, здесь замена междометия «ах» на «увы» вызывает сомнения.

Кроме уже описанных неточностей, в переводе встречаются пропуски некоторых слов и (несколько чаще) добавления самого переводчика. Например, «Muse oder edle Begeistrung»²²⁴ переводится как «священный восторг», «wenn der Mond über ihm leuchtet»²²⁵ как «когда месяц освещает мир бледным своим сиянием». После ссоры Адама и Каина в оригинале читаем «Kain sah ihm nach»,²²⁶ тогда как в переводе Фонвизин добавляет несколько слов о чувствах героя «Каин смотрел на него, снедаем лютейшей тоской».

Анализируя пропуски некоторых слов в переводе, можно заметить одну интересную особенность фонвизинского текста. Когда Каин обвиняет отца и брата в излишней нежности, в немецком оригинале он часто использует определение «weibisch» («weibische Zärtlichkeit»,²²⁷ «weibische Weichlichkeit»²²⁸), противопоставляя им себя с помощью определения

²²³ САР называет «увы» междометием сетования (Словарь Академии Российской. Т. 6. СПб., 1794. С. 408).

²²⁴ «муза или благородный восторг»

²²⁵ «когда над ним светит месяц»

²²⁶ «Каин смотрел ему вслед»

²²⁷ «женская нежность»

²²⁸ «женская мягкость»

«männlich»,²²⁹ которое четыре раза встречается в его описании самого себя Любопытно, что этого противопоставления нет у Фонвизина, в его переводе «нежность» и «мягкость» не имеет никакого определения, слово «männlich» также просто опускается (например, «meine männlichere Seele»²³⁰ переводится как «душа моя»).

Отметим, что в переводе Фонвизина есть и ряд неточностей, приводящих к смысловым изменениям. Обычно эти изменения касаются второстепенных вещей, однако кажется, что их также необходимо отметить. Например, в оригинале солнце «schmückte mit glühendem Morgenroth <...> die Wolken»,²³¹ в переводе «одевало блестящею синевою». Есть и более яркие примеры. Так, большую часть времени действие, описанное в отрывке, который переводил Фонвизин, происходит в беседке («die Laube»), все время упоминающейся Геснером. В самом начале Авель и Тирза идут туда, «in die nahe geruchreiche Laube von Jasminen und Rosen»²³², садятся «in der düftenden Laube, deren Eingang die Morgensonne vergoldete»;²³³ Адам и Ева слышат пение Авеля «vor der Laube»²³⁴ и заходят в нее («traten in die Laube»). Каин идет мимо беседки («an der Laube vorbei») и видит, как в ней отец обнимает Авеля. В переводе Фонвизина о беседке речь идет только один раз в самом начале: «Авель с возлюбленною своею Тирзою пошел из шалаша своего в ближайшую беседку, из ясмина составленную и розами переплетенную». Далее герои «сели под тенью благоухающего древа», больше о месте действия нет ничего. Почему Фонвизин таким образом отступает от оригинала, пока нам не очень понятно, но не отметить это отступление, как кажется, было бы неправильно.

²²⁹ «мужественный»

²³⁰ «моя мужественная душа»

²³¹ «украшало жаркой зарей облака»

²³² «в близкую благоухающую беседку из жасмина и роз»

²³³ «в благоухающей беседку, вход в которую озолотило утреннее солнце»

²³⁴ «перед беседкой»

Завершая сопоставление, обратим внимание на то, каким образом Фонвизин переводит те места оригинала, где используются тропы и фигуры. Приведем несколько примеров. В оригинале Адам говорит о том, что раньше душа Каина была чиста, как «die unbewölkte Sonne»,²³⁵ Фонвизин переводит это выражение «каковы чисты безоблачные небеса»; описывая свою серьезность, в оригинале Каин говорит: «...nicht immer dieß angenehme Lächeln auf meinen Lippen sitz»,²³⁶ это переводится Фонвизиним как «если веселие на мне не изображено»; обращаясь к Каину, в оригинале Адам говорит, что Авель хочет «dieß giftige Unkraut aus deinem Herzen zu reissen»,²³⁷ Фонвизин переводит это как «старается избавить тебя от яда, душу твою заразившего». Пожалуй, можно сказать, что переводчик пытается перевести фигуральные выражения не дословно, но аналогично, подбирая, на его взгляд, более уместные для русского читателя эквиваленты. Также здесь прослеживается уже упомянутое выше стремление Фонвизина предать переводу особую возвышенность.

Благодаря проделанному сравнению, было найдено относительно большое количество отличий, поэтому вопрос о причинах этих расхождений не мог не возникнуть. Долгое время этот вопрос оставался без ответа, но на завершающем этапе работы ответ все же удалось найти. Во время обсуждения нашего доклада «Отрывок из поэмы С. Геснера “Смерть Авелева” в переводе Д. И. Фонвизина»: сопоставление перевода с оригиналом», прочитанного на «Открытой конференции студентов-филологов» в СПбГУ,²³⁸ А. А. Костиным было высказано предположение, что источником фонвизинской «Смерти Авелевой» служил вовсе не немецкий оригинал, а французский прозаический перевод, выполненный Мишелем

²³⁵ «солнце без облаков»

²³⁶ «не всегда эта приятная улыбка сидит на моих губах»

²³⁷ «вырвать этот ядовитый сорняк из твоего сердца»

²³⁸ Конференция проходила в апреле 2017 года.

Юбером.²³⁹ При сопоставлении немецкого, французского и русского текстов стало очевидно, что предположение А.А.Костина соответствует действительности – пользуюсь возможностью выразить ему глубокую благодарность. Для наглядности приведем таблицу с примерами, где рассмотрены в первую очередь те места текста, в которых мы обнаружили расхождения с оригиналом.

Немецкий оригинал	Французский перевод	Перевод Фонвизина
Ein erhabenes Lied (возвышенная песнь)	Vers sublimes (высокие стихи)	Громкими стихами
Sitten des Landmannes (нравы сельского жителя)	Les moeurs de l'homme champêtre (нравы сельского жителя)	Нравы уединенного человека
Einsame Spaziergang (одинокая прогулка)	Promenades solitaires (одинокая прогулка)	Уединенные увеселения
Gelauterter Geschmack (просвещенный вкус)	Le goût épuré (чистый вкус)	Просвещенный разум
Träume (сны)	Songes volages (ветренные сновидения)	Ночные приведения
Blaue Augen (голубые глаза)	Yeux bleus (голубые глаза)	Прекрасные очи
Rosenfarbene Wangen (розовые щеки)	L'incarnat de fes joues (алость щек)	Румянец ланит
Süssen Lippen (сладкие губы)	Belle bouche (прекрасные губы)	Прекрасные уста
Flossen am jugendlichen Busen (текли по молодой груди)	Des cendoient sur son cou d'albâtre (покрывали ее алебастровую шею)	Покрывали шею
Schlanken Hüfte (стройные бедра)	Sa taille fine & déliee (тонкая талия)	Тонкий стан
Das Lächeln der Augen (улыбка глаз)	La serenite de ses regards (ясность взоров)	Ясность взоров

²³⁹ Gessner S. La mort d'Abel: poëme en cinq chants / Traduit de l'Allemand de M. Gessner, par M. Huber. La Haye, 1761.

Schlank e Schö nch et (стройная красота)	Grace aisee (радостная грация)	Восторгающая приятность
Meine Tirza	O ma Thirza	О Тирза
Liebliche Sonne	Amiable soleil	О Солнце
Tauender Morgen	O toi matin	О утро
Gelibte (любимые)	O mes chers parens (мои милые родители)	Дражайшие родители
Geliebter (любимый)	Mon cher fils (мой милый сын)	Бедный сын мой
Ach	Helas (увы)	Увы
Muse oder edele Begeisterung (муза или благородный восторг)	Noble Enthausiasine (благородный энтузиазм)	Священный восторг
Wenn der Mond über ihm leuchtet (когда над ним светил месяц)	La lune éclaire le monde de son pale flambeau (луна освещает мир своим бледным пламенем)	Когда месяц освещает мир бледным своим сиянием
Weibische Zartlichkeit (женская нежность)	Tendresses efféminee (женственная нежность)	Нежность
Weibische Weichlichkeit (женская мягкость)	Molles efféminees (женственная мягкость)	Мягкость
M ä n n e r l i c h e S e e l e (мужественная душа)	Mon âme forte & male (сильная и мужественная душа)	Душа моя

Проанализировав таблицу с примерами, можно получить представления об отношениях, в которых находятся немецкий, французский и русский тексты.

Во-первых, не вызывает никакого сомнения, что Фонвизин, работая над «Смертью Авелевой», использовал именно французский перевод, который отличается от немецкого оригинала гораздо больше, чем фонвизинский текст от своего источника. Во-вторых, можно сделать вывод о том, что перевод Фонвизина отличается большой точностью, хотя все же заметна некоторая склонность переводчика к архаизации. Отметим, что тенденция к архаизации оригинала отмечается и в других переводах Фонвизина (как в ранних, так и в

поздних). Так В. Д. Левин указывает, что «обилие славянизмов и архаизмов, например, в “Иосифе” Фонвизина или его “Похвальном слове Марку Аврелию” никак не определяется характером лексики Битобе или произведениями Тома».²⁴⁰

Тот факт, что при переводе немецкого автора, Фонвизин, прекрасно владевший немецким языком, пользовался французским переводом, имеет большое историко-литературное значение и многое проясняет в отношении Фонвизина к немецкой литературе и немецкому языку. Перевод немецкого текста через французский посредник – явление хотя и встречающееся в переводческой практике XVIII века,²⁴¹ но все довольно редкое. П. Р. Заборов отмечает, что в основном переводом-посредником пользовались, когда «интерес русских людей к малодоступным и малоизвестным им культурам и невозможность удовлетворить в короткий срок этот интерес <...> заставляли их искать “обходные” пути, обращаясь для этого к культурам, с которыми они были знакомы хорошо или, по крайней мере, лучше, чем с другими».²⁴² Кроме того, говоря о французском языке как о языке-посреднике, исследователь отмечает: «Как правило, французское посредничество способствовало ознакомлению русского читателя с литературой ему недостаточно известными или не известными вовсе, – английской, итальянской, испанской, португальской, скандинавскими, восточными».²⁴³

То, что Фонвизин, переводя Геснера, использует французский перевод очевидно связано не с тем, что немецкий оригинал был менее доступен и знаком автору. Безусловно, здесь имеют место не языковые, а литературные

²⁴⁰ Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв. М., 1964. С. 59.

²⁴¹ Например, известно, что через французский посредник выполнены следующие переводы Геснера: «Дафнис» (1783); сборник идиллий и пасторалей в пер. В. А. Лёвшина (1787).

²⁴² Заборов П. Р. Переводы-посредники в истории русской литературы XVIII века // Русско-европейские литературные связи XVIII век. СПб., 2009. С. 307.

²⁴³ Там же. С. 309

причины. Безусловно, здесь имеют место не языковые, а литературные причины. Обращает на себя внимание то, что все тексты, переведенные с немецкого, относятся к одному жанру (прозаической басни или дидактического рассказа), тогда как произведения сентиментального характера²⁴⁴ Фонвизин переводит только с французского языка. Таким образом, можно сказать, что для Фонвизина существовало функциональное распределение литературы в зависимости от языка, на котором она написана. Чувствительные произведения, произведения, относящиеся к жанру поэмы в прозе, для него напрямую связаны с французской литературой; нравоучительные и публицистические сочинения – с немецкой.

3

Для выявления специфики фонвизинского перевода важно сопоставить его с другими переводами поэмы Геснера. Сравним отрывок из перевода Фонвизина с фрагментом перевода И. С. Захарова,²⁴⁵ единственным полным переводом поэмы, вышедшим при жизни Фонвизина, и фрагментом из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина,²⁴⁶ где автор переводит несколько фраз из «Смерти Авелевой».

Сопоставив эти варианты перевода, можно заметить, что тексты Карамзина и Захарова отличаются от перевода Фонвизина в первую очередь тем, что переведены с немецкого оригинала. Переводчики достаточно точно следуют за синтаксисом и дословно передают лексику оригинала, хотя Захаров, переводя слова, выбирает их книжные синонимы, тем не менее, он ничего не пропускает и переводит практически каждое слово оригинала.

²⁴⁴ «Жизнь Сифа», «Смерть Авелева».

²⁴⁵ Захаров И. С. Авелева смерть. СПб., 1780.

²⁴⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 245.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что переводы Карамзина и Захарова одинаково точны с точки зрения содержания, но сильно отличаются с точки зрения стиля. Если перевод Карамзина передает стиль оригинала (возвышенный, но не архаизированный), то перевод Захарова, в котором в изобилии встречаются церковнославянизмы, архаичные грамматические формы, видимо, не стремится соответствовать стилю немецкого текста. Пожалуй, это связано с тем, что Захаров считал высокий стиль более соответствующим жанру поэмы на библейский сюжет. Также перевод Карамзина отличает эмоциональность.

С одной стороны, с переводами Карамзина и Захарова сложно сравнивать произведение Фонвизина, так как они имеют разные источники. Но, с другой стороны, тот факт, что французский текст не отличается от немецкого архаичностью, позволяет сделать какие-то выводы о специфике фонвизинского перевода. Благодаря сопоставлению с текстом Захарова можно развить мысль (высказанную выше) о том, что Фонвизин стремится сделать стиль поэмы более высоким. Очевидно, что и Захаров имеет эту цель, но все же результаты их работы различаются. В переводе Фонвизина нет архаичных грамматических форм, его лексика менее возвышенная и торжественная. Выполняя перевод, Фонвизин ищет равновесие между стилем поэмы Геснера, переданным и во французском переводе, (сентиментальным и относящимся скорее к среднему) и высоким стилем, свойственным героической поэме. Именно об этом «компромиссе» Фонвизин говорил в предисловии к «Иосифу»: «В переводе таких книг, каков “Телемак”, “Аргенида”, “Иосиф” и прочие сего рода, потребно держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность нашего».²⁴⁷

Если сопоставить переводы «Смерти Авелевой» и «Иосифа», выполненные Фонвизиним, можно увидеть, что в последнем существенно больше от «славенского языка», этот текст кажется более архаичным. Можно

²⁴⁷ Фонвизин Д. И. Иосиф // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. С. 443.

предположить, что перевод Геснера являлся для Фонвизина новым шагом на пути к созданию языка для жанров подобного рода.

В связи с этой проблемой нельзя не отметить, что есть исследователи, утверждающие, что создание прозы такого рода интересовало Фонвизина только в ранний период его творчества. Например, А. И. Горшков пишет об этом следующее: «Подобные употребления славянизмов, характеризующиеся смешением экспрессий патетики и “чувствительности”, представлено в фонвизинском “Иосифе” и отчасти в “Сиднее и Силли”. В языке Фонвизина эта линия не получила дальнейшего развития в связи с решительным обращением писателя к разговорному языку как к главнейшему источнику языка литературного».²⁴⁸ Напротив, В. Д. Левин считает, что славянизмы имеют большое значение и в поздней прозе Фонвизина, о чем свидетельствует, например, такое произведение как «Каллисфен» (1786).²⁴⁹ Кроме того, доказательством значимости для Фонвизина прозы такого рода в последние годы жизни могут служить мемуары И. И. Дмитриева, в которых он говорит, что Фонвизин и в последние дни жизни считал перевод «Похвального слова Марку Аврелию» важным творческим достижением.²⁵⁰

Еще одной проблемой, связанной с изучением этого текста, является вопрос о том, с какой русской литературно-стилистической традицией может быть связан перевод отрывка из Геснера. Кажется очевидным, что первая песнь оригинала (как и французского перевода) тесно связана с псалмами. Перевод также отражает эту особенность поэмы. Например, в фонвизинском тексте встречаем выражение «воспой песнь новую»,²⁵¹ также в нем (как и в

²⁴⁸ Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982. С. 192.

²⁴⁹ Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв. М., 1964. С. 54.

²⁵⁰ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 58.

²⁵¹ Данная формула встречается в пяти псалмах: «Воспойте Ему песнь нову» (п. 32. с. 3), «вложи во уста моя песнь нову» (п. 39. с. 3), «Воспойте Господеви песнь нову» (п. 97. с. 1) в «Боже, песнь нову воспою Тебе» (п. 143. с. 9), «Воспойте Господеви песнь нову» (п. 149. с. 1)

оригинале) из всех деревьев упоминаются только кедры, что может указывать на тесную связь текста поэмы и псалмов, в которых кедр (кедр ливанский) упоминается довольно часто. Вопрос о том, на какие русские тексты опирается Фонвизин, создавая перевод, остается нерешенным. Решение этой проблемы может стать следующим шагом в изучении специфики языка фонвизинского перевода.

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что данная работа представляет собой, пожалуй, первую попытку полно и подробно проанализировать отношение Фонвизина к немецкому языку и литературе, описать переводы Фонвизина (как переводы с немецкого языка, так и один перевод немецкого автора, источником которого оказался французский текст).

Наше исследование позволяет создать общую картину отношения Фонвизина к немецкой культуре, понять, как работа Фонвизина над переводами с немецкого повлияла на Фонвизина как на автора и прийти к следующим выводам. Во-первых, очевидно, что немецкие контакты имели наибольшее значение в самом начале творческого пути Фонвизина. Во-вторых, стало ясно, что для Фонвизина немецкая литература связана с определенным жанром – прозаической басней или очень похожим на нее дидактическим рассказом.

Проанализировав «Басни нравоучительные Фонвизина, сопоставив перевод и оригинал, можно заключить, что работа Фонвизина над переложением на русский язык басен Гольберга была серьезной и вдумчивой. Писатель, с одной стороны, стремится сохранить внутреннюю логику переводимого сборника, передать русскому читателю мысли, вложенные в эту книгу, с другой стороны, меняет в ней то, что кажется ему недопустимым, например, с точки зрения этики.

Обращение к фонвизинскому переводу «Смерти Авелевой» привело к неожиданным результатам. Во-первых, выяснилось, что единственная публикация совершенно не отражает объем данного текста, поэтому анализировать этот перевод можно, только опираясь на рукопись. Таким образом, в работе в научный оборот введен неопубликованный прежде целиком текст Фонвизина. Во-вторых, было установлено, что Фонвизин, переводя текст немецкоязычного автора, в качестве источника пользуется не оригиналом, а французским переводом.

Обращение Фонвизина к французскому тексту при переводе прозаической поэмы Геснера – факт имеющий большое значение для более ясного представления о характере влияния немецкой культуры на творчество Фонвизина. Получается, что произведения сентиментального характера Фонвизин переводит только с французского языка. Можно сказать, что для Фонвизина существовало функциональное распределение литературы в зависимости от языка, на котором она написана. Переводя сентиментальные жанры, он ориентируется именно на французские тексты.

Таким образом, при всей глубокой связи с немецкой культурой и интересе к ней, ее влияние на творчество Фонвизина ограничивалось определенным жанром. Создавая чувствительные тексты, высокую прозу Фонвизин все-таки ориентировался прежде всего на французскую литературу. Причем интересно отметить, что интерес Фонвизина к французской литературе был интересом писателя, то есть был связан исключительно со стилем, а не с идеологией (вспомним, как резко Фонвизин характеризовал Францию в своих письмах).

В заключение отметим, что в результате предпринятой работы обнаружилась необходимость не только по отдельности изучать немецкие или французские контакты Фонвизина, но и поставить вопрос о том, как соотносятся в литературном творчестве одного из главных русских писателей второй половины XVIII века немецкое влияние и французское влияние.

Библиография

И) Художественные тексты:

1. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866.
2. Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1997.
3. Захаров И. С. Авелева смерть. СПб., 1780.
4. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 77–604.
5. Новиков Н. И. На сих днях получил я писание // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1952. С. 157–162.
6. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
7. Протопопов В. М. Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях. М., 1799.
8. РГАЛИ. Ф. 517 Оп. 1. Ед. хр. 2. Д. И. Фонвизин. Тетрадь с черновыми записями и набросками. 20 листов.
9. Рейхель И. Г. Известие и опыт о российском переводе «Сифа» // Собрание лучших сочинений. 1762. Ч. III. С. 97–113.
10. Фонвизин Д. И. Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Голберга. М., 1761.
11. Фонвизин Д. И. Правосудный Юпитер // Полезное увеселение. 1761. Ноябрь. № 19-20. С. 161–178.
12. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.
13. Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина». СПб., 1866.
14. Цветаев Л. А. Авелева смерть: поэма в пяти песнях. М., 1799.
15. Gessner S. Der Tod Abels. Leipzig, 1767.
16. Gessner S. La mort d'Abel: poëme en cinq chants / Traduit de l'Allemand de M. Gessner, par M. Huber. La Haye, 1761.

17. Moralische Fabeln mit beigefuegten Erklaerungen einer jeden Fabeln: aus dem Daenischen des Herrn Barons von Holberg uebersaetzt durch J. A. S. K. D. C. Leipzig, 1751.
18. Schubart C. F. D. Eine Fabel (In Liebien starb mal ein Löwe) // C. F. D. Schubart Deutsche Chronik. Bd. 3. Augsburg. 1774. S. 613–614.

II) Словари и энциклопедии:

19. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962-1978.
20. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
21. Мир Просвещения: исторический словарь. М., 2003.
22. Русский биографический словарь А. А. Половцова. Т. 16. СПб., 1913.
23. Русско-европейские литературные связи XVIII века. СПб., 2008.
24. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: В 5 т. М., 1962-1967.
25. Словарь Академии Российской. Т. 6. СПб., 1794.
26. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1-3. Л.; СПб., 1988-2010.
27. Три века Санкт-Петербурга: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1-2. СПб., 2001.
28. Шевырев С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета. М., 1855.
29. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1899.
30. Allgemeine Deutsche Biographi: In 49 B. München, Leipzig. 1875-1912.
31. Neue Deutsche Biographie. Band 6. Berlin, 1964.

III) Научные статьи и монографии:

32. Антонов В. Н. Фонвизин и Германия // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987. С. 18–30.
33. Берков П. А. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
34. Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981.

35. Бухаркин П. Е. «Опыт Российского сословника» в контексте литературной деятельности Д. И. Фонвизина // Аониды: сборник статей в честь Н. Д. Кочетковой. СПб.; М., 2013. С. 24–35.
36. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986.
37. Вяземский П. А. Фонвизин // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 5. СПб., 1880.
38. Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982.
39. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938.
40. Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 152–200.
41. Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.
42. Жирмунский В. М. Шубарт // Немецкие демократы XVIII века. М., 1956. С. 19–29.
43. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995.
44. Койтен А. Державинские переводы из Геснера и Гердера // НЛО. 2002. № 54. С. 119–145.
45. Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 210–228.
46. Кулакова Л. И. Когда была написана «Лисица-кознодей»? // XVIII век. Сб. 7., М.; Л. 1966. С. 174–180.
47. Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. М.; Л., 1966.
48. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв. М., 1964.
49. Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода: к истории переводческой мысли в России // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 5–63.
50. Люстров Ю. М. Фонвизин. М., 2013.

51. Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: творческий путь. М.; Л., 1961.
52. Малек Э. «Неполезное чтение» в России XVII-XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992.
53. Михайлов А. В. Соломон Геснер // Михайлов А. В. завершение риторической эпохи. СПб., 2007. С. 395–427.
54. Ольшевская Л. А. Травников С. Н. «Ох! Басня – смерть моя! Насмешки вечные над львами. Над орлами»: история и теория русской басни // Русская басня: история и теория жанра. М., 2007.
55. Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954.
56. Полевой П. Н. История русской словесности: В 3 т. Т. 2. Вып. 5. СПб., 1900.
57. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
58. Пыпин А. Н. История русской литературы: В 4 т. Т. 4. СПб., 1899.
59. Рак В. Д. Об одном раннем переводе Фонвизина // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 398–399.
60. Росси Л. «Иосиф»: Фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе // *Literarum fructus*. СПб., 2012. С. 123–141.
61. Сазонова Л. И. От басни барокко к басне классицизма // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII - начала XVIII . М., 1989. С. 118–149.
62. Серман И. З. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода. М., 1962. С. 337–372.
63. Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973.
64. Смагина Г. И. Немецкие ученые и Российская Академия наук // Немцы в России. СПб., 2004. С. 60–75.
65. Смирнов А. А. Проблема эстетического признания прозы в европейской литературной теории XVIII века // XVIII век: литература в контексте культуры. М., 1999. С. 9–17.
66. Степанов В. П. Фонвизин // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 655-672.

67. Стричек А. Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения / пер. с фр. Е. Демьяновой. М., 1994.
68. Тихонравов Н. С. Д. И. Фон-Визин // Сочинения Н. С. Тихонравовы. Т. 3. М., 1898. С. 90–129.
69. Храповицкая Г. Н. Хольберг // История всемирной литературы: В 8 т. Т. 5. М., 1988. С. 260–264.
70. Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. М., 1980.
71. Bircher M. Salomon Gessner: Maler und Dichter der Idylle 1730–1788. Wolfenbüttel, 1982.
72. Grasshoff H. Eine deutsche Parallele der Lisica-koznodej: Fonvizin und Schubart // Zeitschrift fuer Slawistik. 1962. № 7. S. 167–174.
73. Herrmann D. D. Fonvizin: Ironie und Tadel // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: 18 Jahrhundert. München. 1992. S. 413–448.
74. Hexelschneider E. Dolmetscher der russischen Aufklärungskultur // Bilder-Weschel: sächsisch-russischer Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung. Köln, Weimer, Wien. 2009. S. 223–242.
75. Imendoerffer H. Die Geschichte der russischen Fabeln im 18. Jahrhundert. Wisbaden, 1998.
76. Leemann-van Elck P. Salomon Gessner: Sein Lebensbild mit beschreibenden Verzeichnissen seiner literarischen und künstlerischen Werke. Zürich; Leipzig, 1930.
77. Osterby M. Denis Ivanovich Fonvizins Uebersetzung der Moralischen Fabeln Ludvig Holbergs // Zeitschrift für Slawistik. 1970. № 15. S. 893–899.
78. Pirro M. Salomon Gessner als europäisches Phänomen. Heidelberg, 2012.
79. Röben de Alencar Xavier W. Salomon Gessner im Umkreis der Encyclopédie: Deutsch-französischer Kulturtransfer und europäische Aufklärung. Genf, 2006.

80. Dillard C. Ludvig Holberg in the Russian Literary Landscape // Ludvig Holberg – a European Writer: a Study in Influence and Reception. Amsterdam, 1994. P. 104–139.
81. Eaton J. W. The German Influence in Danish Literature in the Eighteenth Century: the German Circle in Copenhagen (1750-1770). Cambridge, 1929.
82. Hibberd J. Salomon Gessner: His creative achievement and influence. Cambridge, 1976.
83. Hibberd J. Salomon Gessner's Idylls as Prose Poems // The Modern Language Review. Vol. 68. 1973. No. 3. P. 569–576.
84. Kantor M. Fonvisin and Holberg: a comparison of the Brigadir and Jean de France // Conadin American Slavic Studies. Pittsburgh, 1973. Vol. 7. P. 475–484.
85. Jaucourt L. Poème en prose / Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres. Paris, 1765. Vol. 12. P. 836–837.
86. Leroy Ch. La poésie en prose française du XVIIème siècle à nos jours. Histoire d'un genre. Slatkine, 2001.

Приложение № 1

Правосудный Юпитер

Юпитер, как говорит один древний писатель, огорчен был наконец жалобами, которые столь часто приносил на него человеческий род. Никогда не становился он к тем вратам, через которые восходили к нему молитвы смертных. Никогда не возвращался Меркурий с земного круга, чтоб Юпитер не был принужден слышать роптания на его правосудие, премудрость и всемогущество. Не один только простой народ был ему противником. Сами те, которые почитались премудрыми, были ему главнейшие неприятели. Сколь много непростительных погрешностей находили они в наилучших делах его всемогущества и милости! Сколь совершеннее был бы свет, когда бы они были Юпитеры! Но как они не отваживались ещё противоречить доказательствам, и отрицать бытие его, то старались они уничтожить должное к нему почтение весьма опасным образом. Они искали лишить его славы, правосудия, милости и премудрости, более не осталось бы причин почитать Юпитера, когда бы исполнили они свое намерение. Но что было им легче того, как обольстить толь безрассудный народ? Честолюбие, которое владело сердцами смертных, всегда готово было находить в Юпитеровых делах новые погрешности. При всех опытах старания, которые имел он о благополучии людей, почитали они его тираном. «Когда так,» - говорил наконец Юпитер огорченный – «то докажу я сим неблагодарным, что не я, но сами они причиною своего несчастья!» Скоро по том получил Меркурий приказание от отца своего объявить всем смертным его повеление. Оно состояло в том, что назначен был день, в который все те, кто думает иметь причину жаловаться на Юпитера, должны обратиться на пространное поле при подошве горы Иды. Юпитер сам обещал к ним туда сойти. Тогда позволено им было все свои требования предложить речью, которую от них говорить должен был оратор; и Юпитер обещался исполнить все то, в чем состоять будет их прошение.

Сие Юпитерово повеление причинило общее удивление всему человеческому роду. Самые его неприятели приведены были тем в крайнее огорчение. Если Юпитер исполнит все то, что они желают, то в чем уже более остается им оказывать на него свое неудовольствие? А если не останется ничего, в чем быть им недовольным; то каким же образом могут они привести его в ненависть? Сомнение, в котором они тогда находились, не менее было, как и сомнение всего человеческого рода в том, чего было должно просить у Юпитера. Всякий хотел видеть ту свою страсть удовольствовану, которая более его мучила. Наконец по несколько все успокоились, и только оба пола вообще были различны в своих желаниях; мужчины хотели просить о бессмертии. Они думали, что всякая страсть через сие может быть удовольствована. Герою казалось и самое должайшее время человеческой жизни весьма кратким, чтоб насытиться ему кровию убиваемых. Скупой считал с великою точностию ту малую сумму, которую во сто лет нажить можно; а роскошной вздыхал о том часто, что радость наша исчезает уже тогда, как только начинаем оною пользоваться.

Сколько бы ни полезно было нежному полу быть от нашего вечно почитаемым; однако тогда имели они со всем другие намерения. Может быть заключали весьма разумно

о продолжении вечно верности любовников, когда видели, что многие хранят оную уже долгое время. Неизвестно, от того ли послушания, которым мужеской пол другому обязан, или от точнаго рассмотрения сделалось то, что мужчины согласились. Словом, женское любопытство одержало победу; и, таким образом, заключили все просить Юпитера, чтоб одарил он их каждого знанием будущия своея судьбины. Все ожидали назначеннаго дня с нетерпеливостію. Наконец он настал, и все поля около Иды покрыты были неисчетным множеством людей, которые до сего роптали на Юпитера. Речь к сему первенствующему богу поручено было говорить Критону, одному из опаснейших его неприятелей, которой под видом ревностнаго почитания, скрывал ненавистнейшія намерения. Почтительными словами вкоренил он сомнение в сердца неразумных, которыя простата их решить была не в состоянии, и тем приобрел он скоро удивление своею искренности и разуму, хотя как того, так и другаго совсем он не заслужил.

Черныя облака покрыли Иду, и ударяющій гром предвозвещал скорое Юпитерово прибытие. Он проходил облака на орлах своих. Молнию кидал он из своих рук. Он обращал грозный взор на землю и на жителей ея, которые от страху трепетали. Критон, который столь часто поносил его, упал на землю. Юпитер не хотел сделать людям вреда. Он намерен был показать только, сколько они злобны. Внезапный свет, который облистал всю ту страну, прогнал темноту и страх от собрания. Критонова смелость умножалась уже при всяком Юпитеровом взоре, который обнадеживал всех о милости. Он собрал прежние свои силы. Как Юпитер спросил, в чем состоят жалобы и прошения смертных; то Критон старался по возможности изъяснить пространно все то, что злоба и глупость людей в состоянии была вымыслить в уменьшению божескаго величества. Он заключил речь свою общим прошением человеческого рода, которое казалось весьма смешным требованием.

«Но когда в том состоит, о великий Юпитер!» - говорил Критон – « твое благоволение, чтоб неминуемая страдания, с которыми краткой наш век соединен тобою, должны делать жизнь нашу непрестанно бедною; когда премудрость твоя за полезное находит оставить разум наш обыкновенной слепоте, а сердце природным злым его склонностям; словом, когда ты ведаешь о совершеннейшем сходстве в соединении наполненнаго пороками света, отягчаемого неисчетными болезнями и печальми тела, душою обременною равными недостатками, то, по крайней мере, дай нам то, что бремя наше сносным учинить может. Дай нам дар ведать наперед будущую нашу судьбину. Не собственная наша польза причиною сего прошения, но одно к тебе почтение, великий Юпитер, основанием есть онаго. Можем ли мы подобные слепым, будучи в темноте нашея судьбины, воздержаться не обвинять тебя неправосудием в несчастьи нашем, когда ограниченнаго наш взор не в состоянии обозреть вдруг окружность нашего благополучия и несчастья? Должны ли мы еще виновными казаться, когда с высоты нашего счастья, смотрим мы с гордостью на несчастных, не зная, сколь долго радость наша продолжаться будет. Разорви сие скучные узы, которые препятствуют познать нам совершенство твоего величества. С каким удовольствием должны мы будем почитать твою премудрость! С каким терпением будем мы смирать себя под твоим наказанием, когда увидим приходящую зарю будущаго благополучия через темноту, которая причиняет нам страх! Сколь осторожно принимать мы будем счастье из рук твоих, ведая, что может оно в малое

время уничтожиться приближающимся несчастьем! С какой твердостью можем мы заблаговременно вооружиться против чувствительнейших страстей! Разумной человек может прийти в отчаяние с печали, которых совсем не ожидал; но тою, о которой он уже ведаёт, нимало в малодушие приведен быть не может. Какими похвалами должны мы будем почитать твое правосудие, когда все открыто будет нашему взору! Может ли огорчить тебя прошение наше? Великий Юпитер! Мы ни о чем более не просим, как только чтоб совершеннее познать к нам твою любовь, премудрость и правосудие.»

Критон перестал говорить, а Юпитер отвечал на язвительные похвалы его, презрительною усмешкою. Я исполню, смертные, говорил он, чего вы желаете, но когда вы посреди чувствительнейшего мучения, которое произойдет от нового вашего благополучия, вздыхать будете; то вспомните, что не Юпитер, но сами вы причиною своих вздыханий. После того приказал он Меркурию раздать тем, кто потребует очки, которые имели такое особенное свойство, что, когда их наденешь, то в одну половину оных можно видеть все будущия благополучия, в другую же все те несчастья, которых впредь страшиться ещё должно. Юпитер возшел на небо, радостное восклицание людей провождало его, для того что исполнил он одно из глупейших их требований. Если б он оказал им справедливое благодеяние, то б, чаятельно, они на него роптали. Меркурий окружен будучи неисчислимым множеством любопытных в великой был бы опасности жизни, если б не был он из числа богов. Нежный пол более всех его беспокоил. Не возможно описать всего, что каждой из собрания видел в очки, которые ему доставались и какое они имели действие. Довольно если предложим мы несколько примеров.

Елмира, молодая красавица четырнадцати лет, была первая, которая любопытствовала смотреть в очки. Она старалась, как возможно, пройти чрез такое множество людей к Меркурию, и вырвала у него из рук очки почти насильно. Она была великая неприятельница всему, что может причинить скуку. Таким образом, закрывала она рукою весьма осторожно несчастную половину стекла. Елмира была честолюбива. Она влюблена была сама в себя чрезмерно. Но в какое восхищение пришла она тогда, как увидела в стекле все, что она по самолюбию своему себе воображала! Елмира увидела себя столь прекрасною, что сама Венера красоте ея завидовала, и обожаемою от всех знатных и богатых юношей во всей Греции. Сам Юпитер угрожал одним из своих превращений, и Юнонины глаза пылали от ревности, благополучная Елмира! Тогда находила она уже себя довольно твердою смотреть и несчастную свою судьбину. Она взглянула в другую половину стекла и вдруг весьма громко вскричала, так что с той минуты нимало уже не чувствовала будущего благополучия, ужасная судьба обещала бедной Елмире не более, как только два месяца, в которые она должна наслаждаться всем, что только самолюбие ея требовать может, болезнь потом лишит Елмиру красоты ея, которая была одно ея достоинство. Она видела себя после того чрез множество лет в несносной печали. Любовники ея презирают, для того что не могут уже найти ничего, чтоб награждало недостаток ея красоты, и прежняя соперницы ея ругают. Наконец настали для Елмиры два благополучные месяца, которых ни одной приятности не могла она почувствовать. Она вздыхала в самое то время, когда любовники ея обожали, и не смотрелась никогда в зеркало, чтоб не вообразить, сколь дурна впредь она будет. Сколь

худо было Елмиры, что знала она будущую свою судьбину! По крайней мере, хотя два месяца была бы она благополучна, если б ее не знала.

Фоциз, котораго Лакедемоняне почитали храбрым Героем, первой получил из Меркуриевых рук опасной подарок. Удивление и страх делали то, что он без затруднения мог подойти к Меркурию чрез толикое множество народа. Он принял от него Юпитеров подарок презрительным видом, думая, что он один господин своей судьбины. Фоциз усмотрел в одну половину стекла то, что почти себе воображал. Он увидел богиню победы, прикованную к торжественной своей колеснице. Народы трепетали от меча его. На месте всякаго города, который он превращал в пепел, стоял в честь его столб, представляющий дела его потомкам, не было ни одного несчастного дня во всем его веке. Сколь благополучную бы Фоциз имел жизнь и сколь счастливо он бы ее кончил, если б никогда не любопытствовал знать будущаго. Но сколь страшное позорище представилось тирановым глазам, которой имел первым законом кровожаждущее честолюбие. Фоциз со страхом увидел, как по смерти его получила истина прежнее свое право, которая при жизни его от неукоснительнаго отмщения и от льстецов была сокровенна. Уже вместо тех столбов, которые от страху и лести в честь его были созидаемы, увидел он другие, которые поставлены были в его посрамление. Имя великаго Героя превращено было в имя честолюбиваго и несправедливаго тирана. Потомки уже не хотели вспоминать о таком злодее. Они Фоциза забыли, которой все преступления для того и делал, чтоб быть от них удивляемым. Сколь велик мучением было сие для такого человека, которой священные должности правосудия, человечества, сожаления и многих других добродетелей принес в жертву одному честолюбию, чтоб великим казаться своим потомкам! Сколь жестоким мучением было Фоцизу узнать, что он спустя малое число лет после своей смерти, будет в таком презрении, и что по несколько времени ещё, почти никто о нем уже и знать не будет! Чрез сие Фоциз во всю свою жизнь при всех своих победах оставался нечувствительным. В самое время торжества для одержанных побед воображал он в жесточайшей печали, что после толикаго числа лет уже не будет знать, что Фоциз побеждал. В самое то время, как окружаем он был льстецами превозносящими славные его дела, казалось ему, что слышит он негодования на себя беспристрастных потомков. Сколь часто желал уже он не ведать будущаго! Однако ведал он в наказание, что сам того знать желал.

Молодая Боциза подошла к Меркурию с таким лицом, на котором изображена была жестокая печаль. Весь Коринф, где она жила, ведал причину ее несчастья. Она вдалась в неописанную тоску, будучи женою ревниваго старика, за котораго принудил ее выйти злонравный ее отец. Со всем тем, Филемон был в нея влюблен, и был сам от нея любим. Как же могла она быть хотя одну минуту своей жизни без жестокой печали? Боциза простерла трепещущую руку принять от Меркурия очки. Несколько минут сумневалась она надеть их, может быть, опасаясь несчастья, чтоб старик не пережил ее веку. Но она была женщина, следовательно, как могла удержаться от любопытства, чтоб не посмотреть в очки? Она в них взглянула и чуть было от восторгу не лишилась жизни. Сколь милостив был Юпитер! Ревнивой старик умер, а Боциза и Филемон наслаждались благополучным супружеством, о котором они столь долго воздыхали. С какою надеждою и радостию

ожидала она дня, в которой исполнится ее желание! Всякую минуту возобновлялось в ее сердце Филемоново лице, и она чувствовала уже наперед удовольствие, которого еще от него ожидать было должно. Она нередко забывалась в представлении будущего своего благополучия, так что иногда обнимала она старика с такою горячностью, как бы был он сам Филемон. Старик удивлялся такой перемене своей жены, которую наперед видел он всегда в печали и слезах. Он воображал себе, что несмотря на его осторожность, конечно она его обманывает. Чего ради удвоил он свою ревность, от которой Боциза более страдала. Вот первые несчастные плоды ее любопытства! Старик прожил ещё долгое время, и Боциза не видела надежду свою исполненной. Она прогоняла печаль свою мыслями о благополучии своем с Филемоном и мало-помалу привыкла так к сим воображениям, что радость ее о том становилась тем слабее, сколь часто она оную чувствовала. Чем точнее она со всех сторон рассуждала о будущем благополучии, тем менее она его находила. Наши страсти питаются только новостью препятств, которые преодолеть должно. Наконец старик умер. Филемон и Боциза соединились браком, однако уже без того удовольствия, которое они бы чувствовать были должны, если б счастье настигло их нечаянно. Умножающиеся их лета погашали пламя их страсти. За десять лет наперед знали они, что любовь, конечно, их соединит, и сие было почти то же самое, как бы они десять лет уже соединены были. Боциза чувствовала во объятиях Филемона, что не доставало ей еще удовольствия, но она тем более о том вздыхала, что сие было плод глупаго любопытства.

Епименид был молодой человек и изрядных качеств, которые обещали отечеству в нем достойнаго гражданина. Он находился в числе сего собрания по несчастному любопытству, которому, не смотря на свой разум, не мог он противиться. Сердце его способно было к благороднейшим предприятиям, однако пламя необузданной юности питало в нем, с другой стороны, равную же склонность к глупой роскоши. Он был ещё в тех летах, в которых человеческое сердце почти на весах весит добродетели и пороки, и где самая малая обстоятельство довольно тяжелы бывают перевесить одну которую-нибудь половину весов. Естественная Епименидова склонность, конечно, соединила бы его с добродетелию, когда бы он доволен был природным неведением своей судьбины, однако он принял намерение смотреть в очки, и любопытство его показало ему благополучие. Епименид узнал чрез сего Оракула, что назначен он к знатнейшей должности в своем отечестве. Кто бы, имея Епименидовы свойства, честолюбив не был? И кто честолюбивой не желал сего себе? Со всем тем, сие было только малым опытом милости богов для счастливого Епименида. Они обещали ему, кроме сего, неисчерпаемые сокровища и прекрасную Клеону, которую до сего времени любил он нежно, определили быть ему женою. Что же надлежит до несчастливой судьбины, то Епименид не мог ничего узнать точнаго. Он проведал только то, что будет несчастлив и будет тому причиною сам. Со всем тем, по обыкновенному ли легкомыслию юности или по воображению, что невозможно при таковых дарованиях, кои обещал ему Юпитер быть несчастным, забыл он легко сию последнюю часть своей судьбины. Воображение его составляло только будущей приятности. Он думал иногда, что действительно достиг уже той степени благополучия, которую еще ожидать ему должно было. По сим воображениям учредил он все свои

поступки. Он смотрел на всех тех, с которыми обходился, с такою гордостью, в какую только могло его привести насыщенное честолюбие. Он вдался без рассуждения всем страстям, куда вели его желания, ведая, что не будет не доставать средств к удовольствованию оных. Бедная Клеона должна уже была всякое его слово почитать за знак милости; и она была почти невольницей, которую он потерять не мог. Гордость его сделала ему столько неприятелей, сколько было людей, которые нрав его узнали. Сама Клеона ласкала его только для собственной своей пользы. Епименид смотрел с высоты своего счастья с презрительным видом на всех, которым делал он обиды. Обещание богов совсем уже исполнилось, и он достиг наконец того, чего более достигнуть было невозможно. Сколь великое имел он торжество над теми, кои его ненавидели! Богатством изобиловал сей любимец богов, и Клеона стала Епименидова супруга. Уже ничего не оставалось более, как ведать Епимениду свое несчастье, которое и узнал он весьма чувствительным образом. Сей честолюбивец забыл, что благополучие, котораго он достигнул, невечно. Неприятели его, коих число более умножалось, чем далее восходил он на степени счастья, старались по возможности о его погибели. А такие старания желаемой успех обыкновенно имеют. И как он ни от кого любим не был; то и не имел никого, кто бы остерегал его от несчастья. Он пришел уже в такое презрение, в какой был славе прежде сего, ни мало того не примечая. Клеона отмстила гордость своего мужа чувствительною неверностию. Все его имение, которое он употреблял только для суетнаго великолепия, стало добычею его злодеев. Отмщение их не иною жертвою насытиться могло, как только Епименидовою погибелию. Он, презирая до того времени всех, чувствовал уже жестокую печаль, приходя сам в презрение; и всякой удвоивал ему огорчение, которое от него прежде терпеть принужден был. Епименид состарился в гонении несчастья. Он должен уже был льстить своим неприятелям, чтоб мог содержать бедную свою жизнь, которая служила только к тому, чтоб более чувствовал он огорчения и болезни. Он умер потом в презрении и бедности, и смерть его жалка была только для того, что не можно уже было более мучить его презрением.

Но что же было причиною всего Епименидова несчастья? Не иное что, как только вредительное любопытство о будущем своем благополучии. Сердце его склонилось к гордости и ко всем порокам, как скоро стало в безопасности, что ничего притом не может он сташиться. Сколь долго счастье его было бы сумнительно, столь долго проницающей его разум не оставлял бы искать средств приводить благополучие в безопасность. Он, конечно, бы старался привлекать людей к себе в дружество своею добродетелию; и просвещенной разум не допустил бы его в старости, наслаждаясь благополучием, иметь столь смешную гордость. Итак, Епименид не для другой причины стал несчастлив, как только для того, что желал знать будущее свое состояние.

Слепая Меопа, несмотря на недостаток разума, была ещё столь любопытна, что хотела ведать то, чего впредь ей надеяться должно. Она с торопливостию надела на себя очки; однако ничего не увидела. Она обернула было их на другую сторону; однако видела в них столь же мало. И, таким образом, начала она ругать Юпитера, для чего дал он ей столь дурные очки, не понимая того, что причиною тому слепота ея. «Какая дура!» – кричал ей тогда народ, хотя многия из них не умнее ея были.

Ирус с великой нетерпеливостью шел туда же на костылях, которые поддерживали отягченное тело множеством трудов и болезней. Он дождался, пока Меркурий удовлетворял столь великое множество любопытных. Раздранное платье и худой вид не допускали его подойти прежде к Юпитеру, как и самые злодеи удовлетворены были. С какою надеждою и страхом шел он к Юпитерову сыну! Вся его жизнь составляла цепь несчастий. Он одолевал печаль только для того, чтобы быть побеждену другою. Как бы мог Ирус сносить свое бремя, если бы не ободряла его надежда, что он наконец освободится. Она одна утешала его в бедном состоянии. Никогда не засыпал вздыхающий Ирус, чтоб не пользоваться лестным сном, обещающим ему в следующий день облегчение, которой хотя и приходил, однако Ирус не был благополучнее. Надежда, что будет еще впредь он не в столь бедном состоянии уменьшала его жестокую печаль. «О Меркурий», - говорил Ирус Юпитерову сыну - «не оставь меня далее стенать в неведении, которое меня более всех несчастий терзает. Я знаю, что Юпитер справедлив. Он не даст мне вздыхать непрестанно. Дай мне увидеть конец моего бедствия и начало моего счастья. Я готов их ожидать, как бы то долго ни было. Я доволен буду, если только узнаю, что, конечно, они придут ко мне». Меркурий старался напрасно уговаривать его, чтобы он в неведении своей судьбины был доволен. Он наконец неотступною просьбою достал вредной подарок; надел очки и стал ещё более несчастлив. Ах! Что увидел Ирус? Ещё бесчисленное множество несчастных дней! Ни одного не было в них часа, которой бы обещал ему хотя малую отраду. Ирус определен был до смерти быть несчастным. Сколь много потерял он своим любопытством! Он лишился надежды, последняго утешения в бедности и жесточайшей печали. Кидался уже для отдохновения от тяжкой болезни на солому, воображая непрестанно, что следующий день еще назначен к его страданию. Сколь довольнее бы Ирус был Юпитером, когда б скрыл он доле от него будущее его несчастье! И смерть, конечно, постигла бы его посреди надежды и желаний, которую бы она и исполнила.

Напрасно было бы приводить еще более примеров несчастных следствий, которые произошли от безрассуднаго любопытства смертных. Довольно, что они были один другому подобны. Со всем тем, люди остались ещё столь несправедливы, что приписывали все свое несчастье Юпитеру. «Должны ли мы более страдать от откровения злополучий, кои нас ожидают?»- кричали они - «Разве не довольно было знать нам наперед только наше счастье? Разве не могут нас удовлетворять одни только благополучныя приключения в жизни нашей? Мы бы несчастье наше не прежде почувствовали, как оное к нам пришло, не можно ль было нам, по крайней мере, пользоваться предбудущим благополучием без препятств? Нет! Юпитер останется тираном, которой не оказывает нам благоденний, чтоб не соединить оныя с жесточайшими мучениями». Юпитер не был уже тронут сими новыми жалобами. Он ведал безрассудность их желаний и невозможность оныя исполнить. Со всем тем, самая их пороки наградила он новым благоденнием, лишив опять их дара ведать наперед будущую судьбину.

